

Ольга Роговая

Солнце в созвездии Льва

Такси остановилось на небольшой ярко освещенной площади, перед закрытым магазином.

— Здесь? — спросил водитель.

— Да. — Аня протянула деньги. — Сдачи не надо.

Как только девушки вышли на улицу, машина развернулась и уехала. Василиса с сожалением проводила взглядом удаляющиеся огоньки фар, зябко поежилась. Было действительно прохладно, конец сентября, но она не столько мерзла, сколько трусила — место пустынное. Небольшая площадь, с закрытым на ночь магазином и бесконечные глухие заборы в четыре стороны, из-за которых просматривались только крыши домов.

Ох уж эти современные дачные поселки. На такой улице можно сколько угодно звать на помощь, никто даже не услышит.

— Пойдем.

Аня, громко стуча каблуками высокий сапог, двинулась по одной из улиц, Василиса поспешила следом.

И как только ей не холодно, поражалась Василиса, кутаясь в высокий ворот теплого свитера, хоть бы куртку застегнула.

На Ане были узкие, заправленные в сапоги, джинсы, тонкая кофточка, не доходившая до кожаного со стразами ремня, так что виднелась полоска тела, и короткая кожаная куртка с мехом.

Стройная, высокая, с большими зелеными глазами, правильными чертами лица, светлой кожей нежного матового оттенка, который бывает только у рыжих от рождения людей, Аня выглядела очень эффектно, вот только рот немного большей, но это ее не портило, а придавало определенный шарм. Особенно Василису восхищали ее ярко рыжие волосы. Они огромной огненной гривой падали на плечи, спускались до лопаток, кольцами вились у лица. Аня их никогда не закалывала, и сейчас, покачиваясь при каждом движении, они искрились в темноте. Василиса познакомилась с Аней недавно, в начале лета и очень гордилась тем, что такая взрослая и необыкновенно красивая девушка дружит именно с ней.

— Почему мы сразу до места не доехали? — с беспокойством спросила Василиса.

Она отставала на пол шага, у нее ни как не получалась идти рядом, — Аня выше ростом, да и ноги длиннее.

— Не бойся, тут не далеко.

Аня на ходу обернулась, пухлые, накрашенные алой помадой губы, искривились в усмешке, но, заметив растерянное выражение на лице Василисы, пояснила:

— Он не разрешает к дому близко подъезжать. У него соседи очень любопытные.

Как только Аня посмеялась над ее страхами, Василиса сразу выпрямилась, шагнула шире, догоняя подругу. Она постоянно боялась выглядеть в глазах Ани маленькой, трусливой, иными словами недостойной ее дружбы. Сегодня, что бы попасть на эту вечеринку, она пошла не небывалую для нее хитрость: притворилась, что легла спать, а когда родители уснули, ускользнула из дома. Василиса сделала это первый раз в жизни и очень волновалась, что родители проснутся и заметят ее отсутствие.

Чем дальше они отходили от площади, тем становилось темнее. Улица освещалась фонарями, расположенными довольно далеко друг от друга, а в промежутках все тонуло во мраке. За все время их пути только один раз мимо пролетела машина, въехала в бесшумно открывшиеся ворота, и опять наступала тишина.

Василиса боязливо оглянулась, на московский улицах даже таким поздним осенним вечером можно встретить запоздалых прохожих, гуляющий подростков, собачников, а здесь ни души.

Ей было страшно, она раньше не ходила по таким темным и пустым закоулкам, да и шли они совершенно неизвестно куда, в незнакомую ей компанию. Но сказать о своих опасениях она не

рискнула, что бы не вызвать очередную усмешку Ани.

Я даже дорогу назад ни за что не найду, понимала Василиса. Зачем я только согласилась сюда ехать? Она мечтала стать незаметной, молчать, красться на цыпочках, а еще лучше убежать, спрятаться, но Аня звонко стучала каблуками, рассказывала смешные истории, которые происходили с ней в том доме, смеялась. И странное дело, Василиса, что бы скрыть свой страх, а главное не показаться Ане трусихой также громко отвечала ей, смеялась и шла следом.

Они поравнялись с освещенным входом какого-то дома, и уже проходили дальше, когда калитка приоткрылась, и огромного роста охранник показался в проеме.

— Девочки!?

Лицо расплылось в сладкой улыбке от неожиданной удачи.

— Может, зайдете, чайку попьем, — проворковал он и потянулся, расправляя широченные плечи.

— Да пошел ты, — процедила Аня сквозь зубы. — Хозяин приедет, еще в угол поставит, за беспорядок.

— Так мы уберем, — продолжал скалить зубы охранник, не обращая внимания на явное пренебрежение, сквозившее в словах Ани.

Он уже перегородил дорогу, и откровенно изучал пышную грудь Ани, проступавшую под тонкой кофточкой. Проследив за его взглядом, Аня возмущенно фыркнула, гордо вскинула голову, с вызовом уставившись в его прищуренные глазки.

— Кто там? — донеслось из-за забора.

— Да вот девочки в гости не хотят заходить, — не отрывая взгляда от Аниной груди, ответил охранник.

Василиса с беспокойством оглянулась, прикидывая, куда бы сбежать. За всю свою короткую жизнь, она еще не попадала в подобные переделки, и те немногие эпизоды, когда ей было страшно, не шли ни в какое сравнение с этим.

Зачем Аня его дразнит? Неужели не видит, что он слегка пьян? Улица пустая, дом не освещен, значит, там никого нет, мало ли что может случиться?

Она стояла позади Ани, и со страхом понимала, что если сейчас выйдет второй охранник, то окажется у них за спиной, и сбежать будет сложнее.

— Пойдем, — она потянула Аню за руку.

Та будто нехотя послушалась и сделала шаг в сторону, пытаясь обойти охранника. Но и он сделал шаг в сторону. Продолжая сладко улыбаться, он провел языком по губам, как кот облизнулся. От отвращения Василиса вздрогнула, и уже плохо

соображая, повинуясь только инстинкту самосохранения, отскочила, оказавшись в стороне от Ани и охранника. Теперь, при необходимости, она сможет убежать, но Аня осталась стоять на месте.

Охранник наклонился, и что-то сказал ей почти на ухо. Василиса не сомневалась, что это либо оскорбление, либо недвусмысленное предложение. Аня не меняя выражение лица, замахнулась, пытаясь ударить его по лицу, но он поймал ее руку и игриво заурчал. Аня сделала еще одну попытку второй рукой дотянуться своими длинными и красными, как кровь ногтями до его лица, но и вторая рука оказалась пойманной за запястье. Рывком, притянув Аню к себе и плотно прижав, охранник радостно захохотал. Василиса видела, как Аня беспомощно бьется в его руках, стараясь вырваться. От отчаяния, она попыталась коленкой ударить его в пах, но он, предвидя ее движение, приподнял свою ногу, удар пришелся по голени. Девушка потеряла равновесие, и упала бы, если бы он не продолжал удерживать ее за руки. Она дергалась, трепыхалась, брыкалась в его руках, как беспомощная муха.

— Детка, угомонись, — с довольно улыбкой говорил охранник, почти касаясь Аниной щеки губами. — Не надо меня так возбуждать.

Василиса, забыв об опасности, бросилась на

помощь.

— Отпусти ее сейчас же! — закричала она и принялась колотить кулаками по громадной спине мужика.

И тут она услышала хохот второго охранника, который, буквально схватившись за живот, до слез смеялся над тем, как две хрупкие девушки отчаянно дерутся с верзилой, тащившего Аню к воротам.

Когда до ворот осталось всего несколько шагов, Аня, вдруг вывернувшись и сумела лягнуть обидчика по ноге. Он обозлился, грубо схватил ее за волосы, дернул, и мгновенно прижал лицом к забору. Игра кончилась. Этого оказалось достаточным, что бы Василиса опомнилась и отбежала в сторону.

Дальше на все происходящее, она смотрела со стороны, как зритель в кино. Аня, не поворачиваясь, ударила его острым каблуком по ноге, точно попав в подколенную впадинку. Охранник от боли присел и отпустил ее волосы, дурацкая улыбка, наконец-то сползла с его губ, лицо потемнело от ярости. Он взревел и бросился на Аню, но она, с разворота, ударила его кулаком. На этот раз, он не поймал ее руку, удар пришелся точно в глаз. Второй охранник перестал смеяться и сделал шаг вперед, на помощь другу. Но не успел, Аня, высоко подпрыгнув, ногой нанесла удар в грудь первого охранника. Он стукнулся об забор, а

затем отскочил от него, как боксер от канатов на ринге. Его качало, однако на ногах он устоял, глаза налились кровью, пару раз тряхнув головой, приходя в себя, он ринулся на Аню с такой стремительностью, что Василиса зажмурилась. Убьет, только мелькнуло в голове. Но Аня не испугалась, пронзительно визгнув, на выдохе, вторым точным ударом ноги свалила охранника на землю. Он больше не поднялся, только несколько раз дрыгнул ногами. На рубашке, после ударов в грудь острыми железными каблуками, проступила кровь.

Второй охранник растерянно смотрел, на стоящую в боевой стойке девушку. Ему не верилось, что всего минуту назад, она беспомощно трепыхалась в руках его друга. Получилось, что она изменила правила уже в процессе игры, и он не знал, что делась: согласиться с ее предложением, или отступить. Казалось в его голове идет отчаянный поиск действий, необходимых в данной ситуации, и вдруг растерянность на лице, сменилась дикой агрессией, он выхватил пистолет и нацелил на девушку.

Аня не изменила позы, только легонько свистнула. Темной, беззвучной тенью, из калитки выскочила громадная овчарка, и, свалив на землю охранника, вцепилась ему в горло. Пистолет упал на землю, Аня подошла и носком сапога пнула его.

Как обычный мячик, после точного удара футболиста, он перелетел через забор, а затем раздался звон разбитого стекла.

— Я же говорила, убирать придется, — пренебрежительно бросила Аня охраннику, которого продолжала душить овчарка.

Она взяла за руку, очумевшую от происходящего Василису, и повела за собой. Василиса покорно шла и продолжала оглядывать на уже хрипевшего охранника.

— Тим,пусти его! — небрежно бросила на ходу Аня.

Собака сразу расцепила челюсти и скрылась в темноте.

Их никто не преследовал, но Василиса ускорила шаг, ее колотило от страха.

— Здорово ты дерешься, — еле выдавила она, не то восхищаясь, не то уже опасаясь своей подруги. — И откуда взялась эта овчарка?

— Это их собака.

Аня посмотрела в лицо Василисы и, заметив полную неразбериху чувств и эмоций, расхохоталась.

— С животным надо уметь обращаться. Конечно, экзотические растения жалко, но так вести себя с дамами непозволительно. Пусть расплачиваются, — уже совершенно безразличным тоном сказала она.

Василиса больше не спрашивала, откуда Аня знала, что за глухим забором находилась теплица с экзотическими растениями, и как зовут овчарку, ей было не то что страшно, а как-то неуютно и очень хотелось домой.

Девушки свернули за угол. Заборы были одинаковыми, да и высокие ворота, за которыми не просматривались участки, походили один на другой. Василисе стало казаться, что Аня заблудилась, да ей и хотелось, что она заблудилась, и они пошли бы назад, но в этот момент Аня остановилась у калитки в кирпичной стене, набрала цифровой код, повернула ручку, и дверь отворилась.

Они перешагнули порог. Прямо перед ними стояла беседка, заплетенная диким хмелем, обойдя ее, они оказались в очень красивом и ухоженном саду. Надо будет запомнить это место, если что....И тут она поймала себя на мысли, что думает о том, как будет убегать из этого дома. Но раз она боится, зачем идет туда, ведь силой ее никто не тащит? Неужели, она так хочет произвести на Аню впечатление, что делает то, чего прежде никогда не делала? А если Аня ошибается? Столько показывали фильмов, передач по телевидению, о таких дурочках, которые сами приходят в незнакомые компании, а потом с ними случалось черт знает что.

— Ань, а ты уверена, что все будет так, как тебе обещали?

— Не переживай, приставать к тебе никто не будет, — Аня игриво усмехнулась, — без твоего согласия, конечно.

— Но ты же говорила, творческий вечер, поэт будет читать свои новые стихи, известные люди, пресса, — растерянно мямлила Василиса, уже сомневаясь, что память ее не подвела и ей действительно обещали романтический вечер с богемной тусовкой.

— И стихи почитают, — хохотнула Аня, откровенно дразня Василису. — Такого как здесь, ты больше никогда и нигде не увидишь. По гроб жизни не забудешь, — пообещала она и в громко засмеялась. — Идем. Не бойся, с тобой сегодня ничего не случится.

Потом, перебирая в памяти события той ночи, она припомнила, что Аня подчеркнула голосом слово «сегодня».

Они шли по мощеной каменными плитами дорожке, которая переходила в ступенчатые подъемы, спуски, огибала небольшую ротонду, увитую виноградом, извивалась между садовыми розами, декоративным кустарником, невысокими раскидистыми деревьями. По краям дорожки, прямо на земле, стояли небольшие светильники, которые бледно — голубоватым светом

подсвечивали дорожку, и все что находилось рядом.

Пышные экзотические растения в вазонах, пальмы в кадках, причудливо подстриженные кусты, деревья с опущенными до земли ветками, мерцающие, как светлячки фонарики, делали сад необыкновенным, даже каким-то не настоящим.

Василиса задержалась у небольшого пруда, вода в нем была такая прозрачная, что были видны огромные рыбы, сверкающие чешуей, скользившие в глубине. Василиса наклонилась над прудом, и поймала себя на мысли, что пытается среди водорослей разглядеть хрустальный замок, или хотя бы русалочку, но тут по воде пошли круги, рябь, спугнув сказку. Василиса обернулась и чуть не вскрикнула от удивления — небольшой пятнистый олень с ветвистыми рогами пил воду из пруда, невдалеке на полянке паслись еще несколько. Василиса боялась пошевелиться, олень подходил ближе, внимательно изучая ее своими блестящими глазами, вот он наклонил голову, Василиса зажмурилась, сжалась, но олень ткнулся влажными губами в ее руку.

Да он совсем ручной и хлеба просит, догадалась она. Василиса погладила оленя по мордочке, порылась в сумочке, нашла конфетку, развернула и отдала оленю, потом побежала догонять Аню, которая уже скрылась из вида.

Из-за деревьев показалось трех этажное

здание с высокой четырехскатной крышей, причудливыми башенками, кованными петухами и металлическими всадниками на шпилях. Дом был достоин сада, такой же прекрасный и необыкновенный. Объем и округлость форм, роскошь отделки напоминали помпезный барокко, тягучая пластика линий, ирисы в витражах окон, не оставляли сомнений в пристрастии к модерну.

Вольная фантазия на тему готики, барокко, модерна, — промелькнуло у нее в голове.

Дорожка огибала большой цветник и упиралась в каменную лестницу, которая вела к парадному входу.

Ворота и основная дорога к дому, были освещены, но Аня ждала ее у едва заметной тропинки, свернув на которую они оказались у небольшого темного флигеля. Аня достала из сумочки ключ и открыла замок.

— Ты что, очень хорошо знаешь хозяина этого дома? — поразились Лена.

— Да, — просто подтвердила Аня. — Мы были довольно близко знакомы, но потом он меня бросил, — в голосе прозвучало пренебрежение.

— Так ты что же хочешь устроить скандал? Значит, нас никто не приглашал! — опешила от своего предположения Василиса.

Она живо представила, как Аня врывается в комнату и устраивает сцену ревности, при этом

непрерывно бьет по лицу сначала соперницу, потом и самого обидчика. На крик и шум прибегает охрана, они опять дерутся, теперь уже с охраной этого дома.

— Скандалов здесь сегодня и без меня хватит, — отозвалась Аня, проходя коридор и оказываясь у дверей комнаты. — Но ты права, нас не звали. Однако это не значит, что нам не будут рады. Вот увидишь, как нам обрадуются, — она скривила красивые губы в недоброй усмешке.

Аня вошла в комнату и включила свет, Василиса за ней.

Когда Василиса отодвинула портьеру и переступила порог, то была приятно поражена увиденным интерьером. Комната небольшая, но обставлена изысканно, сразу бросался в глаза отличный вкус хозяина дома или дизайнера: дорогая мебель, изящный декор, коллекционные ткани, настоящий антикварный фарфор.

На небольшом диване лежали, видимо специально для них приготовленные два платья. Аня взяла одно, приложила к себе.

— Что скажешь?

Платье было из тонкой льняной ткани.

— Древний Рим? — Василиса вопросительно вскинула на Аню глаза.

В ответ Аня только улыбнулась, и подала ей другое платье.

— Это тебе.

— Ты же сказала, нас не ждут. Тогда кто приготовил эти платья?

— Не ждут, — подтвердила Аня, вертясь перед зеркалом. — Есть такая старая, избитая поговорка: хочешь победить, готовься к сражению. Она взглянула на растерянную физиономию Василисы, и расхохоталась.

— Все намного проще, чем ты думаешь. Я заплатила прислуге, и она все для меня приготовила, а ключ у меня давно.

— Но ведь, если узнают, ее уволят.

— Ты правильно заметила, если узнают. Ты, я надеюсь, никому не скажешь? — будто по секрету спросила она.

Василиса отрицательно мотнула головой.

Аня рассмеялась. Василиса заметила, что у нее прекрасное настроение, и ее веселит любая мелочь.

— А больше ни одна живая душа не знает, а главное я заплатила много, — говорила Аня, уже надевая платье поверх джинсов и кофточки. Она расправила волосы, взяла расческу, но только провела один раз по голове, как болезненно скривилась.

— Скотина, чуть клочок волос не выдрал, — и она потерла пострадавшее место.

— А здорово ты его. Он такой большой, и

подготовленный, а ты....

Василиса восхищенно смотрела на Аню. Теперь, в теплой, красивой комнате, за стенами дома, все казалось уже не только страшным, а наоборот — забавным. И ей уже не хотелось знать, почему Аню послушалась чужая собака, и как она могла знать заранее, что разобьется оранжерея с экзотическими растениями? Все эти «почему» ее уже не интересовали.

Ее обожание Ани росло с каждой минутой. Красивая, умная, начитанная, да еще такая сильная. Как же мне повезло, что она со мной дружит, думала Василиса.

— Я просто зверею, когда такие подонки пристают. Да тут особой силы и не нужно: если знаешь — как, а главное — куда нанести удар. Ему еще повезло, если бы не ты, я бы его прибила, — просто сказала Аня.

Василиса испуганно вскинула на нее глаза. Простоты интонации почему-то встревожила ее, она сразу поверила, что Аня смогла бы по-настоящему убить охранника.

— Да и тебе, не помешало бы ходить на курсы каратэ, — продолжала говорить Аня, не отрываясь от зеркала.

— У меня не получится, — запротестовала Василиса.

— Еще как получится. А свое тело надо знать

и уметь им управлять, особенно тебе.

— Почему это мне особенно?

Аня рассмеялась:

— Таким красивым девушкам, как мы, надо себя беречь, легче будет выжить в критической ситуации. Я поговорю с тренером, он с тобой позанимается. Больших результатов не обещаю, но несколько полезных приемов самообороны выучишь.

Василиса сделала так же, как Аня: надела платье поверх одежды. Коса у Василисы растрепалась, она расплела ее, расчесала волосы и задумалась, оставить так, или опять заплести в косу. Вообще-то носить косу была идея Ани. Василиса давно хотела обрезать волосы, так ей надоели вечные хвосты, но Аня уговорила оставить. Она отвела ее к своему стилисту, волосы подровняли, «придали форму», как сказала Аня, выкрасили на тон светлее и они стали блестящими, даже искристыми, как в роликах, где рекламируют шампуни. Теперь Василиса ходила или с распущенными волосами, или заплетенными в косу, с красивой заколкой, подаренной Аней. К тому же Аня уговорила ее поменять очки на линзы.

Высокая, худенькая, со светло-русыми волосами, большими темно синими глазами, тонкими чертами лица, ухоженными изящными руками, Василиса выглядела естественно и очень

элегантно.

— Оставь распущенными, — сказала Аня, окинув ее с головы до ног критическим взглядом. — Этот наряд тебе идет. Настоящая царица, — похвалила она. — Сумку и сотовый телефон с собой не бери. — И, видя Василисин вопросительный взгляд, пояснила. — Там маскарад, хозяин хочет, что бы все было натурально. Надо надеть маски.

И она подала ей плащ и маску.

Они вышли из комнаты, пересекли холл, безупречно обставленный мебелью обитой светлым шелком на гнутых ножках с шарами в когтях.

Барокко, с одного взгляда определила Василиса, и реставрация хорошая. Она на мгновение задержалась у старинного зеркала в раме из мореного дуба, и не узнала себя. Маска из черного шелка, с узкими прорезями для глаз, бахромой внизу, и плащ, делали ее неузнаваемой.

В холле царил полумрак, подсвечивались только картины в золоченых рамах, которым позавидовали бы многие краеведческие музеи областных городов. Айвазовский, Шишкин, Левитан... У небольшой работы Саврасова Василиса даже замедлила шаг. Неужели подлинник?

— Осторожно, ступенька, — предупредила Аня.

Девушки прошли коридор и остановились перед высокой дверью из красного дерева. Аня потянула за ручку, и сразу две створки дверь стали медленно раскрываться, выпуская из зала одновременно со звуками нежной музыки, людскими голосами, перезвоном посуды, облако восточных благовоний, смешанное с запахом дорогих духов, старого вина, вкусной еды. Василиса еще никого и ничего не видели, но сразу возникло трепетное ощущение, которое возникало у нее в детстве в преддверии праздников.

Когда створки двери полностью распахнулись, и они перешагнули порог, Василиса не поверила своим глазам, настолько великолепный предстал перед ними зал, отделанный золотом, мрамором, дорогой облицовкой. В огромном камине из белого мрамора горел огонь. Его отсветы отражались на покрытой сусальным золотом лепнине потолка и стен, витражах на окнах, в хрустале не зажженной люстры, свисавшей с высокого потолка, бокалах, дорогих бутылках, белых скатертях, перламутровых ромбах, которыми был вымощен весь пол. Все мерцало и переливалось в свете множества свечей, и маленьких светильников, расставленных по всему залу.

Столы ломились от изобилия еды и напитков. На рифленых керамических тарелках лежала дичь,

ракушки, морские деликатесы, рыбы, приготовленные целиком и кусочками, но больше всего было мяса. Каких только мясных блюд здесь не было: и жареные целиком поросята, и куры, с золотистой корочкой; куски вареной говядины, залитой соусом с трюфелями; запеченные окорока; жаркое из куропаток и еще множество, множество различных блюд. Возле низких столов на диванах сидели и полулежали гости, им прислуживали девушки в нарядах восточных красавиц.

На этом празднике все: и гости, и прислуга были в карнавальных костюмах. Смешение времен и народов, подумала Василиса. Изящно драпированные тоги римлян, соседствовали с пестрым одеянием жителей востока, хитонами греков, белой одеждой арабов, меховыми накидками жителей севера, на одном парне была шляпа с перьями.

В центре зала три девушки танцевали какой-то экзотический танец, аккомпанируя сами себе на флейтах и лютне. Они извивались, гнулись, покачивали бедрами. Солировала девушка, в прозрачной голубой кофточке, завязанной под грудью, и синих шароварах. Черные распущенные волосы, с вплетенными в них нитями жемчуга, искрились и переливались. На груди сверкало множество украшений из бус и камней.

Свет от маленьких светильников,

расставленные по всему залу, был неровный, и от этого все казалось сказочным, дрожащим, волшебным. Василиса решила, что они попали на бал к сказочному падишаху, к которому съехались гости со всего света.

После сегодняшних событий, она думала, что ее уже не сможет ничего поразить, но то, что она видела, превзошло все ее ожидания. Это была изысканная роскошь, выставленная на показ, во всем ее блеске и великолепии.

В центре зала, на возвышенности в огромном кресле больше напоминающем трон, сидел молодой человек, одетый во все черное, но без маски.

Он здесь главный, сразу догадалась Василиса.

Они сделали шаг вперед, и сразу крепкий парень в шароварах и короткой распахнутой курточке на голом торсе, но с огромной саблей за поясом, преградил им путь. Выражение его лица, красноречиво говорило, что он не в восторге от их появления, и настроен решительно.

— Кто вы? И как сюда прошли, — с тревогой спросил молодец с кривой саблей.

Василиса спряталась за подругу, но на Аню сердитый окрик охранника не произвел ни малейшего впечатления. Она даже не потрудилась ему ответить, а призывно замахала хозяину дома.

— Дорогой, меня твой Цербер не пускает.

— Анет?

Удивленно вскинул брови бледный человек в черной одежде, затем сделал охраннику знак рукой, тот с недовольной миной отступил в сторону и сразу исчез.

Девушки подошли к трону.

— Не ожидал тебя сегодня увидеть.

Он поднял к Ане бледное лицо, вяло улыбнулся.

— Хотел, что бы это прошло без меня? Как ты мог? — наигранно ругала и осуждала Аня.

Она поцеловала его в губы. Это было что-то среднее между обычным поцелуйчиком, которым обмениваются при встрече родственники и страстным поцелуем влюбленных.

— Ты мне все испортишь, — произнес он извиняющимся тоном. — Сначала, этот репортер, — Он кивнул на человека в маске и плаще, но с большим фотоаппаратом в руках, — теперь ты.

— Ну, без прессы, спектакль не может состояться и без меня тоже, — нежно шептала она, наклонившись к самому его уху.

Он обреченно вздохнул, открыл первую из книг, что лежали перед ним на небольшом столике, надписал и протянул Ане. Затем перевел взгляд на Василису, оглядел, как ощущал.

— Ты необыкновенно красива. Жаль, что мы не встретились раньше.

Поэт надписал следующую книгу и подал ей.

— Ты, как всегда, прозорлив, — согласилась с ним Аня.

Она только что прочитала посвящение, подписанное для нее поэтом, и было не понятно, о чем она говорит.

— Я надеюсь, мы станем друзьями?

Молодой человек в черной одежде пристально смотрел на Василису. Вопрос был недвусмысленный, это подтверждал и оценивающий взгляд, скользнувший по одежде к ногам и легкая полуулыбка.

Ох уж эти самовлюбленные богатенькие Буратины. Василиса с трудом сдержалась. Отвечать грубостью хозяину дома не хотелось, и она, положив книгу в сумку, даже не взглянув на посвящение, начала:

— Большое спасибо за книгу. Желаю Вам дальнейших творческих успехов и...

Василиса на мгновение замолчала, придумывая, что бы еще такое приятное сказать человеку, которого она видела впервые, и книг которого не читала, но ее выручил юркий, щупленький человек с торчащими ежиком волосиками. Он буквально подскочил к столу, схватил хозяина за руку, зашелся в излияниях восторга по поводу его новых стихов.

Воспользовавшись ситуацией, Василиса

спустилась вниз, вскоре к ней присоединилась Аня. Девушки сразу оказались в плотной толпе гостей, которые ходили, переговаривались, сидели за столиками, полулежали, пили, ели. Василиса заметила, что здесь все знали друг друга, у них общие друзья, общие темы для разговоров, общее социальное положение.

Она хотела спросить у Ани фамилию хозяина дома, но не успела.

— Анат, как я рад!

Рядом оказался высокий и плотный мужчина, возраст которого Василиса не смогла определить точно, но не меньше тридцати. Он был одет в тунику, расписанную цветами, и длинный черный плащ. Василиса еще обратила внимание, что в какую бы одежду не были одеты гости, на всех были черные плащи, с отброшенными назад полами, маски и украшения из крупных камней и желтого металла. Камней и металла было так много, что Василиса даже не сомневалась — все это бижутерия. Не может же быть на мужчине так много золота?

Она помнила, как однажды Аня, после очередного завистливого восклицания, по поводу дорогих золотых побрякушек, завезла ее в маленький магазинчик и показала шикарные украшения, по ценам, доступным даже студентке Василисе.

— Это подделки, но хорошего качества, он фирменных, отличит не каждый.

— У меня есть несколько настоящих украшений, — сказала Аня, — но в основном, я покупаю здесь. Ни одному мужику, и в голову не придет, что на мне могут быть подделки, ну а многие женщины, хоть и догадываются, сами хитрят, так же как и я. Пользуйся, — она широким жестом показала на прилавок.

— Валентин, дорогой!

Аня и незнакомец расцеловались.

— Ты все хорошеешь, — пухлый рот мужчины расплылся в сладкой улыбке.

— Льстишь? — с искренним интересом спросила Аня.

— И в мыслях не было. Констатирую факты, — заверил мужчина, продолжая так же улыбаться. — А это, что за ангел?

Он повернулся к Василисе, внимательно разглядывая ее лицо, будто хотел увидеть сквозь маску.

— Познакомьтесь. Моя подруга Василиса. Пока студентка художественной академии, но очень талантливая. Уже сейчас ее копии голландцев от оригинала только специалисты отличают. Рекомендую.

Василиса вспыхнула. Ей не понравилось, что Аня пиарит ее этому толстяку.

— Удели ей немного внимания, я скоро.

Попросила Аня и тотчас ушла, лавируя между людьми, как спортсмен, огибающий препятствие. Какой-то стройный брюнет остановил ее, поймав за руку, она улыбнулась, что-то сказала, потом рассердилась, строго ответила, пошла дальше. Василиса даже не успела ничего сообразить и испугаться, как осталась одна в незнакомой компании.

— Такая молодая, красивая, да еще и художник.

В его голосе Василиса уловила снисходительные нотки. Он галантно поцеловал у Василисы руку, подвинул ей стул, уселся рядом и сам.

— Как зовут хозяина дома? — спросила Василиса, слегка наклонившись к нему.

— Черный Принц, — так же на ухо, ответил он.

— Принц? Это псевдоним?

— Да. Он поэт. Ты не читала его стихов? — И, видя Василисино отрицательное движение, посоветовал: — прочти, есть забавные.

— В советское время...

Начал он, но в это время к ним подошла девушка и подносом в руках, на котором стояли маленькие чашечки с темным напитком. Валентин взял чашечку. Василиса хотела отказаться, но

потом увидела, что абсолютно у всех гостей в руках такие чашечки, и тоже взяла. Наверное, кофе, решила она. В такой поздний час не помешает.

Отпив глоток, Валентин продолжил прерванную фразу:

— Правительство прекрасно понимало, что одними репрессиями и насилием заставить всю страну работать за примитивное вознаграждение нельзя, поэтому наряду с обязательной трудовой повинностью, создавались фильмы, писались книги, картины о бескорыстном труде, на благо Родины, где простой парень надрывался у доменной печи, а молоденькая девушка, пахала в проливной дождь на тракторе. У проходной каждого завода, конторы колхоза, цеха стояли доски почета, стенды с фотографиями, а часто и написанные художниками портретами передовиков производства. Каждый цех, маленькая конторка, не говоря уже о больших предприятиях, имела штат художников.

Василиса с удивлением смотрела на незнакомого мужчину, который явно хотел привлечь ее внимание, он тщательно подбирал слова, будто боялся, что она не поймет или поймет неправильно. По мере того, как он говорил, росло его воодушевление, с каждой секундой, он становился все более красноречивым.

Вот привязался со своими рассуждениями, думала Василиса. Она закрыла глаза, а потом

медленно их открыла, надеясь, что за это время надоедливый болтун исчезнет, но он сидел на прежнем месте и продолжал разглагольствовать:

— При социалистическом строе у человека творческой профессии имелось множество преимуществ перед другими: он мог позволить больше чем директор завода — поспать подольше, где-то подработать, а уж если выезжал за границу, то возвращался королем. Зарплату в 120–200 рублей, платили даже художником оформителям. Что уж говорить о членах «союза художников», которые получали запланированные заказы.

Эта сумма ничего не говорила Василисе, родившейся уже после перестройки, и она, потеряв всякую надежду, что он наконец-то заткнется, искала глазами Аню.

— Но мир изменился и продолжает меняться буквально на наших глазах. Теперь, когда в основе любого труда лежат деньги, потребность, запугивать, уговаривать и приукрашивать отпала, и, как следствие, исчезла надонность в огромном штате работников, которые этим занимались. Что бы подняться до высот Боровиковского, нужны огромные деньги и связи. Талантливых художников больше чем надо, а заработать творчеством могут единицы. Проще пойти в модели, менеджеры, продавцы. Почему же ты выбрала именно эту профессию?

Пока он говорил, Василиса тоже отхлебнула большой глоток из чашки и замерла. Это было что-то невообразимо. Напиток был вязким, тягучим, сладковато — горьковатым, даже слегка солоноватым и невероятно противным на вкус.

Неужели у него тоже в чашке, что и у меня? — подумала Василиса.

Она держала во рту отвратительную жидкость и не знала, куда ее плюнуть. Валентин смотрел ей прямо в глаза и ждал ответа. Не придумав ничего лучшего, она проглотила. Ее затошнило сразу.

— Мои родители работают реставраторами в Третьяковке, — с трудом разжимая челюсти, произнесла она, стремясь обрести привычную уверенность, — но...

— Это все объясняет, — перебил ее Валентин.

Василиса хотела сказать, что очень любит рисовать, рисует с самого детства. И не просто рисует, а не представляет себе другой работы, что она будет рисовать, даже если ей не будут платить за это деньги, но Валентин ее уже не слушал. Из сказанного Василисой, он сделал свои выводы, и дальнейшее пояснение его не интересовало, снисходительные интонации исчезли.

— Ты сразу произвела впечатление разумной девочке, не способной на необдуманные поступки. Все происходящее в жизни справедливо. Когда таким как ты, избранным, Бог дает талант — это

высшее благо. Если талант достается слабому, ничтожному человеку — это наказание. Желание быть лучше всех, но отсутствие денег, связей, а главное, энергии для реализации своих возможностей приводит к неудовлетворенности, депрессии, и конечному итогу — самоубийству.

Василиса поставила чашку с недопитым напитком на стол. Никакая сила не смогла заставить ее сделать еще один глоток. Она протянула руку за виноградинкой, но передумала, и отломил кусочек хлеба, положила в рот. Челюсти немного отпустило, но спазмы в желудке не проходили. Василиса сделала глотательное движение, стараясь прекратить приступ тошноты.

Теперь, она стала согласно с его рассуждениями, и ей даже стало приятно, что он назвал ее «избранной».

— То, что людям в наше время надо самим принимать решения, для многих оказалось пагубным, слабые гибнут, такова их судьба. Необходима сила, способна поддержать их, направлять, да, в конце концов, руководить ими, если мы не хотим полного хаоса. Что бы сохранить цивилизацию в той форме, в какой мы ее сейчас имеем, необходима не только консолидация сил избранных людей, но и контроль над обществом. Это благо для всех, — проникновенно говорил Валентин.

— Я понимаю, что выживает сильнейший, и слабым людям проще, когда за них все решено, расписано, запланировано, но мама говорила, что проблема в том, что руководитель, должен быть высоконравственным человеком, иначе можно скатиться к тираническому режиму. Как отличить добро от зла?

— Ты говоришь о зле и добре, как о чем-то резко противоположном. Но разве ты встречала абсолютно доброго человека, или абсолютно злого? В природе таких нет. Никто никогда не действует намеренно в интересах зла и ради самого зла. Каждый считает свое добро единственно добрым, а все прочее — злом. На алтарь свободы легло множество голов, тех, для кого сладкий миг свободы дороже жизни, но ни одно сражение не выиграно без талантливой полководца, в каждой стране есть правитель, и у каждого предприятия руководитель. Потому что люди без лидера — толпа.

— Я вам верю, — почему-то сразу согласилась Василиса с его выводами.

Ей никак не хотелось оказаться одной из толпы. Она всегда думала о себе, как о личности, как, наверное, и каждый молодой человек, жизнь которого только начинается. Еще будучи ребенком, она представляла, что как только станет взрослой, все самое замечательное случится именно с ней:

исполнятся самые заветные желания, раскроются самые сокровенные тайны, и сбудутся самые невероятные планы и замыслы. И уж ни как она не представляла себя одной из тысячи, тем более миллиона. Она — это Она.

Тошнота прошла. Ей уже нравился мужчина, который так эмоционально говорил. Она подалась вперед, стараясь не пропустить его интересных высказываний, а он, наоборот, вальяжно развалившись в кресле, говорил медленнее и медленнее, придавая каждому слову дополнительную весомость и значение, вот только фразы до нее доходили уже не все, она, незаметно для себя, потеряла нить его повествования.

Тем временем на небольшой возвышенности, где хозяин дома раздавал автографы, стало происходить, что-то напоминающее представление.

С импровизированной сцены убрали столик с книгами, принесли подсвечники. Девушка подошла к канделябру, стоящему у края сцены, зажгла все фитили и посыпала на них душистый порошок. На концах фитилей показался фиолетовое пламя. Перебивая все запахи, по залу поплыл сладкий и дурманящий аромат.

Василиса с удивлением смотрела, как все присутствующие и Валентин продолжали маленькими глотками отхлебывать темную жидкость из своих чашек.

Пусть меня лучше убьют, решила она, такую гадость, только по приговору суда можно пить.

Где же эта Аня? Вдруг вспомнила Василиса и оглянулась по сторонам, в поисках подруги.

Аня так и не появлялась. Время тянулось бесконечно долго, ярко горели свечи, тихо лилась музыка, люди двигались, как при замедленной съемке, плавно и торжественно, Валентин продолжал говорить. Василиса смотрела на окружающих ее людей: высокую, с шикарнейшей фигурой женщину, солидного господина в шляпе, вальяжно развалившегося молодого человека, и вдруг заволновалась. Что она делает здесь в совершенно незнакомой компании? Она не знала никого из них, и чувствовала сейчас то же, что и потерявшийся в магазине игрушек ребенок: испуг и интерес.

— Править должны сильнейшие, те, кто прошел определенный цикл перевоплощений, сам развился, преобразовался, стал избранным, а значит достойным управлять теми, кто еще в начале пути. Таких людей от бессмертия отделяет только одна последняя жизнь, один малюсенький шаг и душа освободится от брэнного тела.

— От тела? — переспросила Василиса.

До ее затуманенного сознания никак не доходило, как можно жить без тела.

— Что такое тело? Его, в сущности, нет, ибо

оно лишь набор частей готовых вот-вот развалиться, — прошептал Валентин, наклонившись к самому ее уху.

Василиса хотела точнее расспросить, относится ли она к тем достойным, избранным править? Ей очень хотелось относиться. Этот вопрос мучает ее, не дает покоя, и она, наконец, решается:

— Как вы считаете.....

— Начинается, — прошептал Валентин.

Только после его слов, она заметила, что в зале воцарилась полная тишина, гости сидели по местам, разговоры стихли.

Василиса попыталась встать и идти искать Аню, но не смогла подняться. Ей казалось, она прекрасно понимает, о чем говорят, что происходит, но ноги не слушались. Ей ничего не оставалось, как сидеть на месте и наблюдать за тем, что происходило в зале.

Теперь соседи показались ей не такими уж привлекательными. Недалеко от себя она заметила толстую, с тупым взглядом женщину, рядом с ней придурковатого паренька, который хихикал непонятно чему и о чем, сосед напротив бессмысленно уставился на свою тарелку. Неужели они избранные? Плечи Василисы вздрогнули, она с трудом сдержалась, что бы ни рассмеяться. Что-то изменилось во всей окружающей ее обстановке, да

и речь Валентина теперь совсем замедлилась, и он уже не говорил, а вещал:

— ...что бы стать бессмертным, нужно перестать быть человеком.

Василиса вскинула на него удивленный взгляд.

— Не поняла? — попыталась переспросить она.

Но Валентин прижал палец к губам, призывая к тишине.

Три девушки в длинных одеждах, с золотыми масками на лицах вышли на середину постамента. Одна стояла впереди, остальные сзади, образуя треугольник. Василиса решила, что на них надеты парики, потому что таких высоченных причесок, наподобие башни, соорудить из собственных очень черных с неестественным фиолетовым отливом волос, невозможно. Девушка, что шла впереди, была в белом платье, две другие, стоящие по бокам, были одна в красном, другая в голубом. На груди каждой сверкало множество бус и камней, причем очень крупных и ярких, напоминавших чешую рыбы. Руки девушек, обнаженные до плеч, также были украшены цепочками, браслетами, на пальцах массивные перстни.

Сквозь туман, который распространяли горящие в плоских тарелках травы, тлеющие благовония, Василиса увидела Принца, входившего на

постамент, как ей показалось из-за шторы. Принц был в длинном пурпурном одеянии, и таком же плаще с капюшоном, надвинутом ему на лицо, грудь наполовину обнажена. И еще Василисе показалось, что он босиком, или в одном ботинке.

— Кто ты? — спросила сиплым мужским голосом девушка в белой одежде.

Василиса прыснула от смеха. Она что не знает — это же хозяин дома. Василиса даже приподнялась с места, что бы ей подсказать.

— Т-с-с-с, — зашипел на нее Валентин, одергивая за руку.

Тут она увидела в углублении сцены мужчину. Укутанный в плащ, он смотрелся темным пятном, и потому Василиса не сразу его заметила.

Это он спрашивал, догадалась Василиса, и опять чуть не расхохоталась в голос, теперь уже над своей невнимательностью. Ей казалось очень смешно, что она решила, будто девушка говорит мужским голосом. Сейчас ей казалось смешным все.

На нее накиннулись соседи, призывая к порядку.

Только теперь она обратила внимание, что разноцветные одежды исчезли, все окружавшие ее люди были в черном. Василиса сначала подумала, что гости разом переоделись, но потом догадалась, что они просто запахнули плащи и надели на

головы капюшоны, и сделала то-же самое.

— Кто ты и куда идешь? — переспросил мужчина хриплым голосом.

Василиса невольно откинулась назад, стараясь внимательней разглядеть мужчину, но это было пустое занятие: укутанный в плащ с капюшоном и золотой маской на лице, он становился неузнаваем. Но то, что мужчина сильно нервничал, заметно было невооруженным глазом: его подергивало, словно в лихорадке, он встряхивал голову и неровно дышал.

Откуда-то с боку, раздалось барабанное постукивание, отвлекая ее внимание, Василиса повернулась, сосед справа отбивал дробь пальцами по столу. Василиса даже глазам не поверила — у него было шесть пальцев. Это так поразило ее, что она уже не следила за происходящим на сцене, а украдкой пересчитывала пальцы: один, два три, шесть, и еще раз: три, четыре, пять, шесть. Ерунда какая-то, должно же быть пять. Сосед сердито глянул на нее, из-под насупленных лохматых бровей, которые торчали над маской, как щетина старой зубной щетки, и убрал руку со стола. Василиса опять стала наблюдать за происходящим на сцене.

В этот момент, девушка эффектным взмахом руки вынула из складок своей одежды меч. В тишине зала, он возник с легким звоном, как

вздохом. Пламя многочисленных свечей, расставленных по всему залу, мерцающими искрами вспыхнуло на полированной стали.

Но тут ее внимание отвлек сосед с головой комара. Она посмотрела внимательней — точно комар с длинным носом-хоботком, круглыми глазками и множеством ножек. Вот это да, изумилась Василиса. А его дама просто чудовище с огромной гривой, как у льва, выбивающейся из-под капюшона и лошадиными зубами. Василиса не смогла сдержать смех, таких огромных зубов она никогда раньше не видела.

Гости зашикали на нее. Василиса повернулась к сцене, с трудом концентрируя внимание. Она прищуривала глаза, вытягивала вперед шею, даже приподнималась со стула, но не успевала осмыслить увиденное, все менялось слишком быстро. Вот только что девушка в белом одеянии подавала Принцу хлеб на острие меча, а он уже пьет вино из бокала, а девушка держит меч острием к его груди.

Василиса облизнула пересохшие губы, ей тоже очень захотелось пить. Сейчас бы минералки, холодненькой, помечтала она, разглядывая стол, но никакой жидкости, кроме отвратительного напитка в чашечке, на ее столе не было.

Пьют же другие, и ничего, подумала Василиса, взяла чашечку и еще раз отхлебнула.

Хуже не стало. И она, морщась, допила все до конца.

Василиса подняла глаза к сцене. Девушка в белом стала что-то нараспев говорить. Речь ее текла как сироп медленно, тягуче с красивыми голосовыми переливами, всплесками, но, сколько Василиса не прислушивалась, не могла понять ни слова. Голос ее звучал тихо и отстранено, но сила таинственного заклинания, наполняя Василису непонятым волнением, тревогой, которая росла в груди, поднималась к горлу, душила слезами. Как естественное продолжение заклинания возникла музыка. Теперь и песня двух жриц, и таинственные слова главной героини звучали одновременно, сливаясь, переплетаясь, дополняя друг друга, вызывая в душе Василисы еще большее волнение.

Эмоции были так велики, что она устала, но как только прикрыла глаза, перед мысленным взором возникали светящиеся огни, вращающиеся в такт мелодии. Усилием воли она заставила себя смотреть вперед, но и это не помогало, все происходящее на сцене пульсировало в ритме напева. Она видела Принца стоящем на одном колене, жреца с мечом в руке, но уже ничего не понимала, все мелькало, молниеносно менялось, качалось в такт волшебного заклинания.

Картина, происходившая на сцене, теряла яркость и четкость, перед глазами все плыло, звуки

стали пронзительными до боли в ушах. У Василисы возникло такое ощущение, что она смотрит на происходящее через толщу прозрачной воды, в которой, к тому же, отражаются разноцветные круги. Я потеряла линзы, решила она. По мере того, как напев усиливался или затихал, картинка перед глазами то теряла четкость, и она не могла отличить одного человека от другого, то обретала вновь. Вдруг она видела совсем близко глаза жрицы с узкими, как у хищника зрачками. Василиса осознавала, что присутствует при чем-то важном, необычном, и в тоже время неуловимом, как содержание заклинания на чужом языке, но сконцентрировать внимание не могла.

Неожиданно у нее свело живот так, что Василиса согнулась. Когда она подняла глаза на соседа, то в страхе отпрянула. Черная маска скрывала верхнюю часть лица, а вся нижняя состояла из огромной челюсти, которая странным образом двигалась, рот был неприятно перекошен, и из него вылетали вместо слов нечленораздельные звуки. Он со всего размаха ударил Василису по лицу, а затем стал избивать. И все гости, которые теперь стали похожи на чудовищ, повскакали с мест и кинулись ее бить. Это были длинные тонкие люди с головами комаров и множеством рук, крокодил на двух ногах, низкое и широкое чудище с головой дятла, женщина, похожая на свинью.

Этого не может быть, мелькнуло в ее голове. Василиса хотела закричать, позвать на помощь, но удары посыпались со всех сторон. Ее били кулаками, пинали ногами, ударяли клювами, а потом стали рвать на куски. Она уже давно валялась на полу в проходе, пытаясь закрыть голову руками, а какой-то здоровый молодец бил по ней железным молотком. Василиса чувствовала, что голова уже в нескольких местах раскололась, и какая-то вязкая и липкая жидкость течет по лицу. Василиса, делая последние усилия, залезла под стол, но сотня маленьких стрел сразу впиалась в тело. Василиса с ужасом видела, что стрелы торчат из рук, груди, живота. Она попыталась выдернуть хоть одну, бесполезно. Она с трудом поднялась на четвереньки, да так и стояла, качаясь, как больное животное, уже не сомневаясь, что перешагнула за грань безумия, в реальном мире этого быть не могло. Страдания становились нестерпимыми. Но когда она увидела на полу свои глаза, вывалившиеся из глазниц, то совсем онемела от ужаса. Василиса стала судорожно хватать их руками, а они, как скользкие головастики, выскользывали и не давались. Ее охватила такая паника, что боль разодранного в клочки тела, не шла ни в какое сравнение.

Как же я буду рисовать без глаз? Мелькало в дребезжащей голове.

Даже под столом, страшные уроды старались достать ее руками или ногами, наконец, одному особенно старательному это удалось, удар пришелся в живот, и Василиса упала. Её вырвало, слабость была такая, что встать она не могла и валялась на грязном полу.

Василиса точно знала, что умерла.

Неожиданно, впереди возник свет, он манил, звал, возвращал силы, заставлял проснуться. Она попробовала подняться, придерживаясь за стул, но тут гости, превратившись в собак, кинулись на нее. Василиса вскочила. С испуга, она побежала не к двери, через которую вошла, а в противоположную сторону, не соображая, зачем она это делает, стала судорожно шарить по стене, и вдруг нашла потайную дверь, через которую и выбежала из дом.

Она оказалась в саду на узкой бетонной полоске, а прямо перед ней высокие заросли сирени без всякого просвета.

Разве бывает такой вход, с удивлением думает Василиса и оглядывается назад: никакой двери нет, ровный кирпич. Размышлять о том, как она смогла просочиться сквозь каменную стену, или о чудесах современной техники, было не когда, и Василиса стала пробираться сквозь кусты, за которыми сразу росли камыши, под ногами захлюпала вода. Озеро, заросшее камышом, поняла Василиса. Она сделала несколько шагов вперед, озеро глубже не

становилось. Василиса пошла быстрее, раздвигая руками камыши и стараясь ставить ноги на кочки, вскоре она миновала озеро и оказалась перед залитой лунным светом, лужайкой. Ближние к поляне деревья были светлы, а дальше все тонуло во мраке, сливаясь в одну сплошную массу темного и страшного. От огромного раскидистого дерева на поляну падала длинная тень. Василиса пошла по поляне. В это время порыв холодного ветра, закачал деревья, наклонил цветы, и странное дело, тень на поляне сразу ожила, ветки задвигались, зашевелились, потянулись к ногам Василисы. Вот одна из теней-веток коснулась ее сапог, и будто кто за ногу схватил. Василиса ойкнула, подпрыгнула и опрометью бросилась бежать через поляну. Не останавливаясь, подгоняемая страхом, она перелезла через несколько рядов ровно подстриженных кустиков, и побежала по посыпанной гравием дорожке. Когда из-за деревьев показался олень с раскидистыми рогами, Василиса метнулась в сторону, поскользнулась на яблоках, которые в изобилии валялись в траве, и упала, испугав огромных павлинов. Они распутив хвосты, так громко и противно закричали, что Василиса от страха закрыла уши руками.

— Вот черт, сейчас всех переполошат, — выругалась Василиса, нащупала рукой первое попавшееся яблоко и запустила в павлинов. Те

замолчали.

На ее пути оказалась искусственная горка, засаженная хвойниками и всевозможными ползучими растениями, обходить было некогда, и она полезла напрямую. Перешагивая через низкорослый можжевельник, она не удержала равновесие, стала падать, и только в последний момент уцепилась за выступ огромного камня. Чем дальше лезла Василиса, тем круче становилась горка, превратилась в самые настоящие горы с отвесными скалами, крутыми спусками и подъемами. Она потеряла счет времени, ей уже казалось, что она ползает по этой горе вечность, наконец, она выбралась на равнину.

— Понастроили, — ругалась Василиса.

Сразу за горкой она попала в розарий. Арки из плетущихся роз, дополнялись кустовыми розами всех размеров. Определить цвет цветов в темноте она не могла, но запахи были настолько сильны, что у Василисы кружилась голова.

Неожиданно она оказалась перед невысоким забором, доходившим ей до подбородка. Василиса привстала на цыпочки, но так и не смогла разглядеть, что же там находится. Не долго думая, ухватившись за верхнюю перекладину, она подтянулась, перекинула ногу и оказалась верхом на заборе. Ее взору предстали горы песка, щебня, глины, сложенные стопкой бревна, какие-то вещи,

прикрытые брезентом, разбросанные инструменты и техника.

Здесь, что-то строят, догадалась Василиса, значит должен быть выход на улицу, что бы завозить материалы. И она спрыгнула на кучу песка, что была прямо под ней. Но как только она приземлилась, нога подвернулась, и Василиса покатила под уклон, увлекая за собой песок. Она даже не успела испугаться, как оказалась на дне котлована, а песок все продолжал сыпаться. Василиса вскочила, прижалась к противоположному краю ямы, отплевываясь, вытирая лицо, отряхивая одежду, волосы. Песка было так много, что она решила, что без труда выберется наружу по пологому склону, который теперь поднимался от дна котлована до вершины песчаной кучи.

Она сделала шаг и провалилась по колени, а сверху опять посыпался песок. Пока она вытаскивала одну ступню, вторая сползала ниже, и ей никак не удавалось продвинуться, ну хоть чуточку вперед, каждое движение, вызывало новый обвал песка. Через несколько минут, она совсем выдохлась, и мечтала только об одном, растянуться на дне котлована до прихода рабочих. Она, наверное, так и сделала бы, если бы не страх, что ее дома утром хватится мать, да и кто знает, что за рабочие в этом странном доме. Она была

совершенно сбита с толку всем происходящим. Такого быть не могло. Василиса опустилась на четвереньки и по-черепаши медленно поползла вверх, прилагая огромные усилия. Только скатившись с противоположного склона на землю, она облегченно вздохнула.

— Не двор, а настоящая пустыня, — громко выругалась Василиса, и, вспомнив искусственную горку, добавила, — с горами в придачу.

Ворота на улицу действительно были, только они оказались запертыми на огромный висячий замок. Поискав и не найдя другого выхода, Василиса перелезла назад в сад, так как взобраться на двухметровую кирпичную стену, огораживающую участок от дороги, не стоило даже и пробовать.

— Где же эта калитка?

Василиса озиралась по сторонам. Теперь она ненавидела этот сад, боялась, ожидая появления из-за каждого дерева мертвеца с косой, или, еще хуже, гостей Принца. Страх перерастал в естественное желание выжить. От быстрого бега, она прерывисто дышала ртом, сердце бешено колотилось, тело дрожало от напряжения, чувства обострились до предела. Она прекрасно различала в темноте все предметы, а по запаху могла определить, где находятся посадки роз и откуда тянет еле уловимым ароматом хвои, и вдруг поняла,

что дрожит не от страха, а от бешеного желания — победить. Это состояние ей было не знакомо, никогда раньше ей не приходилось бороться за свою жизнь.

Василиса перевела дыхание. Надо успокоиться. Она прекрасно помнила, что если перейти ручеек по мостику, то там недалеко и до беседки, за которой находится скрытая калитка. Василиса потянула носом, сразу уловив свежий запах воды, смешанный с легким привкусом водорослей и решительно направилась к кустам, пересекла аккуратно подстриженный газон с огромными валунами посередине и оказалась на тропинке, ведущей к мосту.

— Вот она! — раздался из-за кустов крик.

Василиса, не сомневаясь, что гонятся за ней, бросилась бежать совершенно в противоположную сторону и чуть не налетела на стену дома. Она так растерялась, что некоторое время тупо смотрела на невысокую дверь на уровне земли, возле которой оказалась.

Вот так дела, я бегала по замкнутому кругу и оказалась опять у дома, промелькнуло в голове.

Как только она отворила дверь, потянуло холодом, сыростью. Подвал, поняла Василиса и на минуту засомневалась. Давно забытые страхи детских сказок-страшилок про подземелье всплыли в памяти, ее охватил озноб. А что если это

единственная дверь, и я не смогу выбраться назад, подумала Василиса. Но тут послышался приближающийся топот и, уже не думая о возможной новой опасности, она перешагнула порог. Порожки, что начинались сразу у двери, вели вниз, и ей ничего не оставалось, как быстро сбежать по ним. Резкий хлопок, эхо от которого прокатилось под сводами лестницы, заставил ее присесть, втягивая голову в плечи.

Дверь захлопнулась, поняла Василиса. Она мгновенно ослепла в кромешной темноте, и от этого еще сильнее испугалась. Попалась. Сердце от безотчетного страха колотилось уже где-то под горлом. Она прижалась к стене, выравнивая дыхание. Прислушалась. За ней никто не шел. Она пошла назад, осторожно поднимаясь по ступенькам, ведя пальцами по стене, теперь этот путь показался ей очень длинным. Василиса прижалась ухом к двери, прислушалась, на улице ничего не происходило.

Что, если я бегаю как угорелая по всему саду, а за мной никто и не гонится? промелькнула в голове сумасшедшая мысль. Василиса решила выглянуть и проверить. Сдерживая дыхание и стараясь унять дрожь волнения, она легонько толкнула плечом дверь, та даже не шелохнулась. Василиса толкнула сильнее, тот же результат. Неужели сработала защелка? Теперь она совсем

перестала о чем либо думать, кроме как о свободе. Она уже не боялась ни шума, ни людей, которые ее ловили, ей хотелось только одного: вырваться наружу. И она закричала, застучала кулаками, забилась о дверь всем телом. Сделанная из дубового массива дверь даже не шелохнулась. Василиса опустилась на пол, плохо соображая, что делать. Перспектива скромно уйти в небытие ее не устраивала, слишком большие планы она строила на предстоящую жизнь, поэтому сидеть и ждать, пока ее случайно найдут у запертой двери, Василиса не стала.

Возможно, и найдут, с горечью подумала она, когда я умру от голода или жажды. Нет, надо искать другой выход. Подвал — это подсобное помещение, значит, должен быть еще один вход в дом.

И она стала спускаться вниз по лестнице. Теперь она шла осторожно. Темень была такая, что она не видела своей руки, и прежде чем наступить на следующую порожку, предварительно ощупывала ее ногой. Василиса была уверена, что спускается уже больше полу часа, а порожки все не кончаются.

— Это вход не в подвал, а в какое-то подземелье, или бункер, поражалась Василиса. Без сомнения, они его на случай ядерного взрыва построили, — бурчала себе под нос Василиса,

продолжая спускаться по бесконечной лестнице.

Наконец, нога нащупала ровный пол, Василиса пошла дальше, выставив вперед одну руку, а другой, касаясь стены. Она забыла поискать выключатель у входной двери, а теперь, сколько не шарила по стене, ничего найти не могла. Она уже бесконечное число раз сворачивала за угол, шла по прямой, опять сворачивала, но выхода нигде не было. Измучившись, Василиса села на пол и заплакала. Ей стало страшно.

Зачем я полезла в этот подвал? Зачем я вообще потащилась в незнакомый дом? Сколько раз мама говорила.

При воспоминании о маме, она заревела громко, почти в голос.

— Мама не переживет если я умру, — всхлипывала Василиса. — Почему я не положила телефон в карман?

То, что она непременно умрет, Василиса уже не сомневалась. Когда она оторвала руки от лица, ей вдруг показалось, что впереди что-то светится. Она разом вскочила, сразу перестав плакать, и поспешила вперед. Буквально за первым же поворотом она увидела свет, неясный, дрожащий, но свет. Радость была так велика, что, забыв об опасности, она бегом бросилась вперед. Коридор кончился тупиком, но свет пробивался через прикрытую дверь. Василиса распахнула ее и

ахнула.

Это была большая проходная комната, Василиса видела напротив себя дверь, но беда была в том, что в этой комнате горели вещи, сложенные до самого потолка, причем горели сильно, а как только Василиса распахнула свою дверь, сквозняк прибавил огню силы.

Она задохнулась от удушливого дыма, из глаз потекли слезы. Раздумывать было некогда, пока горели вещи с одной стороны, проскочить еще можно было, но если огонь перекинется на противоположную сторону, об этом нечего будет и думать. Василиса сделала шаг и замерла. А вдруг дверь заперта? Хватит ли времени, вернуться назад? Это смятение чувств, длилось недолго. Огромная коробка, вся объятая пламенем упала в проход, за ней следующая. Ей понадобился всего миг, что бы решиться. Ждать больше нельзя, Василиса побежала вперед, прикрывая голову руками и стараясь не дышать.

Вот и дверь. Василиса с такой отчаянной силой рванула за ручку, что чуть сама не отлетела в сторону. Дверь была заперта. Она билась почти в истерике о запертую дверь. Дышать стало совсем невозможно, из глаз потекли слезы, от гари заболели легкие. Она обернулась назад, вся комната была объята пламенем, огонь ровной стеной поднимается до потолка. Василиса без сил

опустилась на пол, закрывая подолом платья рот, что бы не задохнуться. Она уже теряла сознание, когда увидела рядом с дверью дыру в стене. Василиса встала на четвереньки, просунула в отверстие голову, плечи не проходили, она потянула их назад, не получилось. Застряла. Эта мысль таким страхом отозвалась в груди, что у нее потемнело в глазах. Неужели я вот так сгорю заживо?

— Нет, нет!

Закричала Василиса, дернулась всем телом, с силой отталкиваясь ногами. Толчок, еще толчок, и вдруг плечи проскочили, а за ними и все тело. Василиса не успела обрадоваться, как поняла, что падает, летит в темноте головой вниз. Скорость падения нарастает. Я разобьюсь, понимает она и пытается прижаться к стене, что бы хоть как-то затормозить, но все ее попытки ни к чему не приводят. Панический ужас заставляет ее истошно кричать. Она слышит свой крик..., а потом всплеск. От неожиданности она глотнула воды, задохнулась, суматошно заколотила ногами и руками, стараясь всплыть. Быстрее, быстрее, легкие уже горят, от нехватки воздуха.

— А — а.

Она кашляет, хватая воздух ртом, еще и еще раз, переворачивается на спину, старается отдохнуть выровнять дыхание. Все чувства

обострены до предела, только вынырнув из воды, она сразу замечает маленький красный фонарь, а под ним дверь в стене, возле двери металлическая платформа. С ней уже столько всего случилось, что она даже не радуется, возможной удаче. Василиса плывет к стене и одновременно, пытается ногой нащупать дно. Течением ее сносит в сторону.

Как под домом может протекать рука? Поражается и злится Василиса. И тут замечает, еще одну реку, она упала на место слияния двух рек. Этот дом, точно построен на случай не только ядерного взрыва, но и космической катастрофы.

Василиса доплывает до двери, пытается встать, дна нет, но самое плохое заключается в том, что платформа находится на таком расстоянии над водой, что рукой не дотянуться. Василиса подпрыгивает, и не достает, ее сносит течение. Прилагая усилия, она возвращается, и опять подпрыгивает, и опять безрезультатно, и так несколько раз. Она настолько выбилась из сил, что не может уже и прыгать, и ее течением опять сносит к стене. Покрытая противной слизью, водорослями, стена неприятная и скользкая, но Василиса о таких пустяках уже не думает, она цепляется когтями за небольшие выступы, прижимается к холодной поверхности всем телом, отдыхает. Она с ненавистью смотрит на дверь, так близко, а не достать. Василиса понимает, что

никогда не сможет подпрыгнуть на такую высоту, что бы дотянуться до платформы, а стена слишком скользкая и гладкая, по ней не заберешься. И вдруг она замечает, что у самой стены от платформы отогнулся металлический прут. Василиса подплывает, хватается за прут, подтягивается и цепляется за металлические полосы платформы, перебирая поочередно руками, осторожно движется к краю. Полосы, из которых сделана платформа узкие с необработанными краями, и она поранила пальцы.

Если сорвусь, второй раз у меня сил не хватит подпрыгнуть, понимает Василиса и терпит боль. Вот и край. Надо забросить ноги. Но на ней надето платье, которое намокло, прилипло и страшно мешает. Собрав всю волю в кулак, с отчаянным выкриком, она забрасывает ногу, подтягивается, упирается локтями, лезет корпусом, еще немного и вот уже вторая нога оказывается на платформе.

Василиса лежит на металлическом полу, ловя ртом воздух, тело конвульсивно вздрагивает. Немного отдышавшись, она встает и без труда открывает задвижку, а затем дверь и замирает на пороге. Свет такой яркий, что ей приходится прикрыть лицо ладонью, когда глаза привыкают к ослепительному блеску солнца, она видит перед собой освещенную лестницу, уходящую в небо. Она делает шаг вперед и.... летит вниз, сразу уходя

с головой под воду.

Это совсем другая вода, не та, что в реке под домом. Прохладная, чистая, очень прозрачная она освежает, смывает всю грязь, не только с тела, но и с души.

— Пей!

Слышит она приказ, поднимает глаза и видит больших, блестящих рыб на уровне своего лица и удивляется. Рыбы застыли без движения, только плавниками шевелят, казалось, не плывут, а парят в воде и смотрят на Василису так, будто знают что-то особенное, недоступное людям. Рыбы открывают рот и приказывают пить воду. Большие пузыри медленно отделяются от их ртов, всплывают и лопаются у самой поверхности.

Что это у них блестит во рту? думает Василиса, приглядывается и замечает огромные драгоценные камни. Василиса поражена. Таких красивых рыб да еще с драгоценными камнями во рту она никогда раньше не видела.

— Пей! — опять требуют рыбы.

И Василиса пьет. Вода чистая, холодная, она течет по губам, подбородку, а Василиса все пьет и пьет. От этой воды проходит боль, все тело успокаивается, набирается невероятной силы.

Тут она опять видит ту же самую лестницу. Она начинается со дна озера и уходит вверх на высокую гору и дальше в небо. Василиса

поднимается по этой золотой лестнице. И опять подходит к двери. Ох уж эти двери. Сколько их в этом странном доме? Она тянет за ручку, дверь не открывается. Ей очень хочется войти в эту дверь, ведь она так старалась, столько преодолела преград, но у нее не получается. Она не знает кодовых слов. Она дергает за ручку, сильнее, сильнее.

— Василиса! Василиса!

Доносится откуда-то снизу разгневанный голос Ани. Дверь исчезает. Василиса с трудом открывает глаза.

— В незнакомой компании пить можно только воду из-под крана, да и то, если сама ее себе нальешь. Сколько раз тебе говорила? — ругается Аня.

Василиса оглядывается по сторонам. Она сидит за столом, где и сидела, только голова лежит между тарелками.

— Пей! — Аня вкладывает ей руки стакан с водой. Василиса берет его и послушно пьет. Вода очень вкусная и такая холодная, что ломит зубы. Василиса пьет жадно, не останавливаясь до самого дна. Вода течет по губам, подбородку.

— Хорошо.

Аня, продолжая ругаться, взваливает Василису себе на плечо, тащит из дома, Василиса с трудом переступает ватными ногами. В последний момент, обернувшись, Василиса видит Принца,

спящего на своем троне в багряно-красной одежде. Фантастические образы сначала теряют яркость, а затем и вовсе гаснут, на их смену приходит обыденная реальность с дикой головной болью.

На горбатом мосту, Аня теряет равновесие, и они вдвоем падают в озеро. Василиса погружается на самое дно и опять видит огромных рыб, с драгоценными камнями во рту. Теперь это не удивляет ее, вот только лестницы нет. Сонное состояние вмиг улетучивается, оттолкнувшись ногами от дна, она быстро всплывает. Чертыхаясь, сплевывая воду, появляется Аня, быстро плывет к берегу, Василиса за ней.

Они выбираются из воды. Как только Василиса оказывается на берегу, ее начинает колотить от холода, зубы стучат, одежда противно прилипла к телу, волосы мокрыми сосульками повисли у лица. Аню тоже трясет от холода, сделав движение к дому, но потом передумав, она побежала к калитке, Василиса за ней. У забора их ждало такси, причем Василиса была уверена, что это был тот же таксист, что и привез их сюда.

Тогда почему раньше они тащились пешком, а теперь сели у самого дома, правда, опять с черного хода? Но спрашивать нет сил.

В машине она сразу заснула, и перед глазами возникли странные геометрические узоры. Они сливались, растворяясь друг в друге, потом опять

появлялись отдельно. Перед глазами все кружилось, мелькало, неожиданно наплывало каким-то большим пятном, затем дробилось на множество осколков. Ей чудилось, что она бежит среди высокой травы с цветами, или это такие диковинные деревья, с темными искрящимися стволами и нарядной листвой, которые машут ветками, будто общаются. Василиса прислушивается, но не понимает их. Или это и не деревья вовсе, а просто пестрые переплетающиеся линии, зигзаги, черточки? Все как в калейдоскопе, который был у нее в детстве: то одно появится, то перельется в другое, но тоже яркое, красивое, радостное. Потом во всем этом хаосе цвета и рисунка, она увидела бабочку, самую обыкновенную бабочку, только очень большую, ярко оранжевую с темной каймой по краям крыльев. Затем бабочка, легко, как всегда бывает во сне, превратилась в большую рыжую кошку, с темным рисунком по спине, кошка пригнулась к земле, поползла, и прямо на глазах стала огромной змеей. Василиса даже не удивлялась тому, что и диковинные растения, и бабочка, и кошка, и змея воспринимались как реальные, самостоятельно живущие существа, а не плод ее воображения. Но самое прекрасное наступило, когда ей приделали крылья, и она поднялась ввысь. Она летит все быстрее и быстрее, огни городов внизу мерцают,

извиваются, сливаются и вскоре тают, впереди только звезды и она летит к ним. И вдруг она натывается на закрытые двери. Те же самые двери, что и у лестницы. Сколько она не старается, открыть их не может. Дальше прохода нет.

— Выходи, будит ее Аня.

Машина остановилась у подъезда. Буркнув что-то на прощание, Василиса забегает в лифт. Остановившись у своей двери она осторожно поворачивает ключ, крадучись пробирается в ванну и только тут облегченно вздыхает. Спасена. Включив воду, она быстро стаскивает с себя все вещи, запихивает их в бак для грязного белья, встает под струю горячего душа.

— Скоро ты там? Не одна, — стучится в дверь, только что проснувшаяся мама.

Но теперь Василиса уже не волнуется, она успела, родители не заметили ее отсутствия ночью.

Василиса пила кофе, плохо соображая, о чем разговаривают родители, глаза слипались и слезились от света, в голове шумело.

Чем это они меня вчера напоили? — пыталась припомнить Василиса, облизывая пересохшие губы. Только бы родители не заметили. Сейчас они уйдут, и я лягу спать. Тут она вспомнила, что первым уроком живопись, пропускать нельзя, Виктор Борисович зорко следит, за каждым отсутствующим, и потом на просмотре не простит

ни одной погрешности. Но сегодня ей не то, что писать, добраться до академии будет сложно. Василиса старается не поднимать головы от чашки. По телевизору диктор рассказывал новости. Звук раздражает. Раздражает вообще все. Она посмотрела на свои руки. Вроде целы, ни каких ссадин, синяков, не то что ран от стрел. Но как было больно, поражается Василиса.

— Господи, вы только посмотрите, что творит эта золотая молодежь, — с возмущением воскликнула мама.

Василиса подняла глаза на экран. Даже такое простое движение, вызвало дикую ломоту в глазах.

Но то, что она увидела, заставило ее мгновенно очнуться. В новостях показывали дом, где они были с Аней этой ночью. Столы убраны, и поэтому зал кажется огромным, опущенные шторы задерживают свет, создают полумрак, в пустом зале на темном постаменте, среди потушенных свечей и светильником хозяин вечеринки. Он сидит один на своем кроваво красном кресле, в красном одеянии, бледный без движения.

— Черный Принц умер, истекая кровью, — говорил диктор. — Следствию еще предстоит установить, что это было самоубийство или убийство.

Далее диктор показывал книги покойного, его фотографию, рассказывал о родителях.

Василиса не произнесла ни слова. То, что там произошло, она не помнила, и не могла даже сказать наверняка, был ли Принц жив, когда она видела его в последний раз. Ей почему-то тогда казалось, что он собирался куда-то уезжать, раздавал подарки, книги, писал посвящения, а оказывается, он готовился к самоубийству. В голове не укладывалось, что такое могло случиться. Когда же это произошло, неужели, после того, как мы ушли? Она вспомнила мертвенно бледное лицо Принца с закрытыми глазами. Внутри все оборвалось. Он был мертв, когда мы уходили, теперь уже не сомневается Василиса. Боже мой, какой ужас. Она склонила голову над чашкой кофе, что бы родители ни заметили ее смятения.

Я была в зале в тот момент, когда он перерезал себе вены. Но я ничего не помню, а другие? Мысли сумбурно бились в голове, вызывая дополнительную боль. Неужели эти придурки знали, видели и ничего не предприняли? Или не догадывались, и это прошло незаметно для всех присутствующих? Кто их поймет, этих идиотов.

Аня? Она точно знала, вдруг решила Василиса. Все ее поступки, слова, произнесенные в том доме, говорили о том, что она знала. Только сейчас до Василисы доходил смысл отдельных фраз. Так почему же не остановила?

Василиса встала из-за стола, прошла в свою

комнату. Спать уже не хотелось, да и голова прошла. Она открыла свою сумку, достала томик стихов, открыла на первой странице, где было написано посвящение.

«Мы поздно встретились. Как жалко!!!».

Число и подпись: 23 сентября 2009 года.
Черный Принц.

Какой красивый росчерк, со злостью подумала Василиса, наверное, долго репетировал.

Василиса перечитала еще раз посвящение, открыла стихотворение, которое он заложил для нее закладкой.

Подарю любому просящему
По кусочку бессмертия. Были б желания.
Вам все равно не подняться к Вечному
Дорога для каждого — свои испытания...

Черт, злилась Василиса. Все верно, это не сон. Вот уж, действительно жаль, что это не сон. Она повертела закладку в руках, поднося к глазам: красивая, блестящая, точно из золота, или это самом деле золото?

Книгу надо выбросить, понимала она, если увидят родители, сразу догадаются, что она была на той вечеринке. Василиса повертела книгу в руках, подумала и спрятала под матрас. Выбросить стало жалко.

Надо же, так вляпаться, переживала Василиса. Вдруг окажется, что это убийство, будет расследование, меня вызовут в милицию, потом в суд, исключат из академии. Все гости намного взрослее меня, да, скорее всего, это богатые люди, они выкрутятся. А что будет со мной?

Крикнув родителям, что опаздывает, она выскочила из дома, на ходу натягивая другую куртку. Мокрые вещи она еще утром спрятала в шкаф.

Василиса хотела поговорить с Аней. Да что там поговорить, она хотела высказать ей все, что думает о случившемся.

Как она могла, так меня подставить, а еще говорила, что они подруги. С подругами так не поступают, злилась Василиса.

На улице она набрала номер Ани. Механический голос сказала, что «абонент, выключен или вне зоны действия».

Спит, зараза, и телефон отключила. Василиса поехала в академию.

В классе на уроке живописи она сидела рядом с Маринкой. Дочь богатых родителей, Маринка была очень способной и старательной девочкой, но училась платно.

— Что бы никто ни смог упрекнуть, будто я занимаю чужое место, — просто объяснила она Василисе при их первом знакомстве, — а для

родителей это не деньги.

Внешне Марина ни чем не выделялась из общей массы студентов, если не считать того, что на занятия ее привозил шофер на дорогом «Лексусе».

— Слышала? — сразу спросила Марина, как только Василиса уселась рядом.

— Что?

— Как что? Черный Принц перерезал себе вены.

— Да, — угрюмо буркнула Василиса, открывая тюбики и выдавливая каски на палитру. Теперь эта Аня будет до вечера спать, подумала она и горько вздохнула.

— Он был хороший поэт? — стараясь придать голосу, как можно больше безразличия спросила Василиса.

Марина не успела ответить.

— Прекрасный. У него такие стихи..., — буквально задохнулась от восторга Варька.

Она прижала выпачканные краской руки к груди и всхлипнула.

Худая, неуклюжая, вечно с прыщами на невыразительном лице, Варвара всегда старалась быть в центре внимания, влезала во все разговоры, постоянно с кем-то спорила, что-то доказывала, темпераментно жестикулируя.

— Как он мог? — Варька почти плакала. —

По телику диктор сказал, что вышла новая книга его стихов. Теперь не купить, — сокрушалась она. — Если только через клуб.

— Ты состоишь в его Фан клубе?

Брови Марины от удивления поднялись вверх.

— Да, — гордо вскинула голову Варя, — но не в том, что у вас. У нас свой клуб, и Принц несколько раз приезжал к нам на творческий вечер, у меня есть его автограф.

Выражение удивления на лице Марины сменилось откровенным презрением.

— А я уж было подумала..., — она, не dokonчив фразу, наклонила голову над своим мольбертом.

— Что ты подумала? Что? — закипела Варя. — Что, такие как я, не могут состоять в одном Фан клубе с тобой? Да Принц не один раз тусовался с нами до утра, — громко выкрикнула она.

— Я и говорю, ради славы, он готов был на все, — пренебрежительно процедила сквозь зубы Марина. — И я в его Фан клубе не состою.

— «Не умирает тот, кто живет в своих произведениях».

Прочитировал Матвей, выглянув из-за своего мольберта, и пояснил:

— Бови.

Он считался у них в группе самым талантливым, изображал из себя «великого

передвижника», ходил в рваных джинсах, вечно перемазанной красками блузе. Хотя, как говорила Марина, если его умыть и причесать, был бы ничего. Насчет «причесать», Василиса сомневалась, спутанные, болтающиеся до плеч космы, можно было только остричь под ноль, расческой там делать было нечего.

— Кто бы стал читать его вторую книгу, если и первую читали только придурки, — Артем кивнул в сторону Вари.

— Вот такие завистники и довели его до самоубийства. Поэт, он как ребенок. Разве можно его обижать. И потом поэт — это почти Бог, — выпалила Варя, привыкшая не обижаться на его постоянные насмешки.

— Ну, скажешь тоже, Бог — поразились теперь уже Василиса, вспомнив Принца. — Мама говорила, и я с ней согласна, что художник только передает то прекрасное, что создал прежде Бог.

— Я считаю, — закричала Варька, побросав кисточки и вскочив со стула, — поэт, как и Бог, творит! — она эмоционально взмахнула руками. — Пусть его герои выдуманные, но потом, сколько людей повторяют их слова, поступки, стремятся быть на них похожими?

— Это точно не о нем, — холодно, будто осаживая пыл Варьки, произнесла Марина. — Такие стихи мог писать не совсем нормальный

человек, и что тут копировать не знаю. Вся его поэзия — бред сумасшедшего. Тут два варианта, либо он под кайфом свихнулся, либо был ненормальный от рождения, раз писал такие стихи.

— Ты ничего не понимаешь, он высказывал вслух мысли не только свои, но и многих других, — чуть не слезами на глазах доказывала Варя.

— Где уж мне, — хохотнула Марина. — Только говорить о «многих», слишком большое преувеличение. Ты у нас единственный экземпляр, думаю даже не только в нашей группе, но и во всей академии. Так что «таких», — Марина сделала паузу, — не много.

— Эти папины сыночки с жиру бесятся. Он от безделья зарезался, — поднял голову от мольберта Слава, высокий, худенький парнишка, о котором Василиса за два года совместной учебы абсолютно ничего не знала. — Попробовал бы себе сам на хлеб зарабатывать, наверное, по-другому запел. А то, что ни захочет — все есть. Даже не интересно. Нечего добиваться, не к чему стремиться. Скукота. Ему жить не интересно было, вот он и придумывал себе развлечения, а потом от скуки зарезался.

Он прав, думала Василиса, продолжая писать свой натюрморт. Бабушка говорила, что в пору ее молодости, особенно во время войны, самоубийц не было, люди боролись за жизнь, стремились выжить сами и помогали другим. «На такие глупости, даже

времени не было».

— Не знаешь, не говори. Он очень даже интересно жил: катался на горных лыжах, сам водил самолет, плавал на яхте, любил путешествовать, сочинял стихи. Он нам сам рассказывал, и показывал фильм, — защищала своего героя Варя.

— Это точно, — будто нехотя, подтвердила Марина. — Федор с детства был такой, мягко говоря, неординарный. — Она покрутила у виска пальцем — Я помню, в четырнадцать лет, на спор, уехал на Север Новый год встречать. Нанял собачью упряжку, проводников, и покатил к Северному Полюсу. Отец его с военными вертолетами еле разыскал. Ничего, даже не обморозился.

Все замолчали. Водить самому свой собственный самолет, ходить под парусами на яхте, даже искать Северный Полюс под Новый год, а потом зарезаться, такое понять и объяснить сложно, если только «с жиру бесился».

— Может это неразделенная любовь? — опять подала голос Варя.

— К тебе, — съязвил Никита.

Очень самоуверенный, талантливый парень, родители у которого, так же, как и у Василисы были известными реставраторами, в группе общался только с Матвеем, Артемом, Василисой,

Мариной, остальных будто не замечал.

— Нет, не было у него никого. Так..., — Марина скривила губы, — все одноразовое. У нас бы знали. И любовной лирики в его стихах нет, одни неопределенности, — сделала она критический вывод. — Да и вообще, стихи ерунда, пустые, надуманные, — говорила она, не поднимая головы от мольберта, — как и его показная жизнь. Прославиться хотел. Если собрать все статьи, что писали в газетах и журналах о его похождениях, кутежах, маскарадах, охоте на диких животных и т. д. и т. п., то книга получилась бы толще его сборника стихов. Ему этого показалось мало, и он вообразил себя поэтом, на деньги папаши издал роскошную книжонку, хотя еще не известно, сам ли он ее написал. Сколько по этому поводу «пыли» было, вы не представляете. Даже в приличных журналах хвалебные оды печатали. Смех. — Марина пренебрежительно хмыкнула. — А когда понял, что на большее не способен, зарезался, но не просто, а так, что бы о нем опять говорила вся тусовка. Не смерть — а картина маслом. Произведение искусств. Даже не верится, что он сам ее не увидит.

Василиса вспомнила, про книги с посвящением для каждого гостя, красные одежды, трон, болезненно сморщилась. Права Марина, все показное, надуманное, от скуки.

И еще, она вдруг подумала, что Марина слишком хорошо осведомлена и о его жизни, и о творчестве, что бы все это знать, надо интересоваться, прочесть. А Марина не из тех людей, кто попусту тратит время. Уж не влюблена ли она сама в него? Василиса вспомнила тонкий профиль Принца, чувственные губы, густые до плеч волосы, глаза с поволокой. А что? В такого влюбиться можно.

— Может быть это убийство? — вдруг спросила Варя, округлив глаза.

— Нет, — решительно опровергла ее предположение Марина. — Он записку оставил. И не одну. Очень заботился, что бы ни у кого сомнения не было, что он сам до всего этого додумался. Мой отец сказал, что он даже в милицию письмо с уведомлением по почте отправил, как раз вчера пришло, только его сразу не вскрыли. Теперь у них будут неприятности.

Ее слова растеклись по мятущейся душе Василисы, как бальзам. Слава Богу, хоть не убийство. Значит, расследования не будет.

— Это у кого будут неприятности? — спросил Виктор Борисович, стоя на пороге класса. Невысокий, суховатый мужчина лет пятидесяти, мягкий, добрый, с веселыми морщинками у глаз, он был их самым любимым преподавателем. Картин его Василиса никогда не видела, и сказать что-либо

о нем как о художнике ничего не могла, но учитель он был хороший.

— Да так, — уклончиво ответила Марина, — обсуждаем самоубийство Черного Принца.

— Что вы предполагаете? Творческий кризис, или обида на критиков? Молодежь она очень обидчива на критиков. Выживать еще не научились. Чуть что не так, столько бед могут натворить, — он осуждающе покачал головой. — Сегодня по всем каналам телевидения показали. Красиво. Красная драпировка на черном мраморе, мелом начерченный равносторонний треугольник, свечи по углам, красный трон. Великолепно. Декорации в стиле древней Финикии. Впечатляет.

Точно, не Рима, а именно Финикии, как я ошиблась? Промелькнуло у Василисы в голове. И орнамент на тунике был не римский, а именно финикийский — розетки заключенные в круги, квадраты, бахрома с кистями.

Виктор Борисович подошел к Василисе, встал за ее спиной.

— Ты сегодня полностью переписала натюрморт, а ведь это предпоследнее занятие, можешь не успеть закончить.

Василиса поднялась со стула и с удивлением уставилась на свою работу. Ее всегда ругали за отсутствие смелости, и живопись получается немного «жухлой». Но сегодня... Это было просто

буйство цвета. Яркие, прозрачные мазки, прописанные по прежним темным краскам, не только оживили работу, а сделала ее неузнаваемой.

— Хотя..., — преподаватель немного отошел назад, — получилось очень неплохо, все держится, в колорите. Оставь.

— Здорово! — восхитилась Марина.

— Ничего, — одобрительно промычал Матвей.

Все ребята встали с мест и разглядывали ее работу.

Сразу после живописи, Василиса решила сбежать с занятий. Родители на работе, можно спокойно отоспаться. Она собрала сумку, заскочила в туалет, заперлась в одной из кабинок, дожидаясь звонка. Наконец все стихло, Василиса вышла из своего укрытия, подошла к умывальнику и вздрогнула, на коленях у подоконника стояла Варя и втягивала носом белый порошок, рассыпанный на листке бумаги.

— Варька, ты что делаешь?

Варя свернула бумажку, дернула носом.

— Тебе то что? — грубо спросила она.

Василиса растерялась. Не читай же ей лекцию о пагубном влиянии наркотиков на молодой, растущий организм?

— Ты же привыкнешь, в зависимость перейдет, — неубедительно пробормотала она.

— И что с того? Может мне нравится? Почему ты решила что нельзя? Мамочка запретила? А ты попробуй, знаешь какой кайф! А самое главное, нет ни каких проблем, нет зависимости от денег, нищих родителей, шмоток. Я становлюсь красивой, свободной, да и все вокруг меня становится ярче, веселей, интересней. Плевать я хотела на эту Маринку с ее пренебрежением ко всем, кто не так богат как ее родители. Мне, видите ли, даже в один клуб с ней ходить нельзя, — она захихикала, — хотя поэт один и тот же. Ты не думай, я ее не виню. Никто не виноват. Такая судьба. Зато сейчас, мне можно все! — Она взмахнула руками и закружилась.

— Варька, ты несешь чушь. Мои родители родом из маленького городка, сами всего добились, пусть они не так богаты, как Маринкины, но нам хватает, а счастье, оно не всегда, там, где деньги.

— Да плевала я на деньги, я и так счастлива, — беспечно говорила Варя. — Вот ты думаешь, что тот мир, в котором ты живешь, главный? Ерунда. Да в реальном мире без фантазий, мыслей, эмоций, всего того, что принадлежит духовному миру, никто и жить не захочет. Твой мир скучен и неинтересен. А я могу проникнуть в сверхъестественное, вступить в контакт с миром духов, увидеть, услышать и даже ощутить такое, о чем ты даже предположить не сможешь. Я видела

свои прежние жизни, я знаю будущее. Все мы дети Света, и мы должны сбросить оковы, удерживающие нас на земле и соединиться с Вечностью, — она захлебывалась от восторга. — В этом мире одни страдания, а следовательно этот «мир во зле лежит». Надо бороться со злом. Да и что нам терять? Тело? Но его в сущности даже нет, это, всего лишь живой труп.

— Я думаю, потерять можно душу, — подсказала Василиса.

Варька скривила губы.

— Нет ничего неизменного в этом мире: как нет постоянного тела, так нет и постоянного «я», души. Меняется оболочка, меняется душа. Сегодня я нищая студентка, а в следующей жизни, возможно, буду принцессой или...

— Крокодилom, — закончила за нее Василиса.

— Да что ты попусту суетишься? Мораль мне читаешь? Все люди, как ни печально, смертны. Какая разница когда умирать? А так, я могу красиво мечтать.

— После красивых снов, бывает тяжелое пробуждение. Ты про ломку по телевизору видела, или уже сама знаешь? — поинтересовалась Василиса.

Не открывая двери, уйду в сумрак,
Черные тени, белые лики.

Тайна вдали не становится ближе,
Хоть удлиняю линии кокаиновые.
Есть точное средство узнать правду,
Пусть без возврата, зато — верное.

Нараспев, раскачиваясь в такт стихов,
процитировала Варя.

— Черный Принц, — догадалась Василиса.

— Да. А что?

Варя вскинула голову и сразу напряглась,
приготовившись защищать своего кумира, глаза
возбужденно заблестели.

Василиса, не говоря больше ни слова,
повернулась и вышла из туалета.

Один придурок уже «узнал правду», беда в
том, что за собой он поведет таких простушек, как
эта Варя, сердилась Василиса.

Надо же, как все у нее просто: материальный
мир — зло, а духовный — благо, нет души, потому
что не сохраняются воспоминания о
предшествующих перевоплощениях.

Она шла по улице, но думала теперь только о
том, что говорила ей Варя. Вроде красивые фразы,
о борьбе добра и зла, желании постичь тайну бытия,
а получается, и стремиться ни к чему не надо, даже
любовь земная не имеет никакого значения. Живи
вымышленными фантазиями, чем быстрее умрешь,
тем лучше. Если сказать проще: живи под кайфом и

торопись умереть. Таких слов Варька раньше не говорила. Кто-то ей здорово мозги заморочил. И вдруг Василиса подумала, что уже слышала что-то подобное.

Она болезненно поморщилась. Все, что происходило этой ночью, слилось в одну сплошную головную боль, без каких-либо подробностей. Сон, явь, галлюцинации — сейчас все казалось единым, и она уже не могла с уверенностью сказать, что было на самом деле, а что привиделось. В ее сознании с трудом прояснился образ Валентина.

Он говорил.... Что же он говорил? Что-то похожее?

Василиса даже замедлила шаг, стараясь восстановить в памяти вчерашний разговор с Валентином. И вдруг в мозгу всплыли его слова.

Точно! Он говорил, что душа должна освободиться от темницы брэнного тела и стать свободной, то же что и Варька сейчас, вот только вывод он делал другой. Освободиться от брэнного тела и не уйти в небытие, а стать бессмертным. Потому что он избранный. Варька умрет и соединится с мифическим Светом, а он, Валентин, будет жить вечно. Как все у него правильно: она умрет, а он останется вечно жить. Василиса пренебрежительно хмыкнула. А еще распинаясь о таких понятиях, как добро и зло. Может быть, он и действует в интересах добра, вот только понимает

он его по-своему. Очень по-своему.

А вчера его слова мне нравились, казались умными. Василиса поморщилась от боли; как только она пыталась вспомнить вчерашнюю ночь, начинало дико ломить виски.

Что там эта дуручка плела про вечную жизнь без тела?

Василиса дремала в метро и чуть не проспала свою остановку в автобусе.

Дома, несмотря на то, что глаза слипались, она, первым делом, положила все вещи, в которых была вчера в стиральную машинку, поставив будильник на 17 часов, залезла под одеяло.

Как только она заснула, ей опять стал сниться дивный сад, мудрый змей, который теперь нашептывал про конец света, обещал помочь выжить и голос у него был, естественно Валентина.

Зазвенел будильник, и Василиса вскочила. Родители придут еще часа через два, есть время привести себя в чувства. Она вынула из машинки и развесила вещи сушиться. Теперь, если мама спросит, чем вызван такой приступ чистоты, можно будет уверенно соврать, что испачкалась краской в академии. Налила себе кофе, села у компьютера.

— Что у нас тут про жизнь после смерти? Так. Падение астероида Апофис, предположительно в 2029 году, комет. «Сближение некой звезды с Солнечной системой. В литературе упоминается

звезда Немезида, которая с периодом в 30 млн. лет сближается с Солнцем, т. е. фактически образует с ним систему «двойная звезда». Согласно гипотезе, каждое такое сближение приводит к существенным гравитационным возмущениям в кометных поясах». — Чего только не бывает, — поразились Василиса и принялась читать дальше. — «Установлено, что постоянно происходит замедление вращения Земли вокруг своей оси. Земля окажется обращенной к солнцу одной стороной, и в большинстве регионов, жизнь станет невозможной». Или вот еще. Возможно смена полюсов, что приведет к глобальной планетарной катастрофе и потери сознания у людей. Астрономы установили, «что в радиальном направлении от центра Галактики движется огромные облака газов, напоминающие кольца дыма. Это результат взрыва в ядре (центре) галактики. Эта микроволновая фоновая радиация перемещается в направлении созвездия Льва. Но и наша солнечная система перемещается туда же. Если земля попадет под воздействие космической радиации, произойдет катастрофа». «Закончится эпоха жизни человечества «Пятой расы» в плотном физическом теле и начнется зарождение человечества «Шестой расы», которое будет иметь тонкоматериальные духовные тела».

— Клево, — подвела итог, прочитанному,

Василиса.

Перспектива получить тонкоматериальное духовное тело, ей понравилась.

Хлопнула входная дверь.

— Кто там? — не вставая со стула, громко спросила Василиса.

— Я, — отозвался отец.

— Что так рано? — удивилась Василиса. — У тебя сегодня вроде теннис.

— Сдавал ракетку в перетяжку и забыл в сумку положить, хорошо хоть вовремя вспомнил.

— Мама еще долго?

— Думаю, да, она после работы к заказчику заедет, у нее халтурка подвернулась. А ты учишься?

Отец встал за спиной, заглядывая в монитор компьютера.

— Нет. Смотрю, что там, про конец света пишут, а то я в аспирантуру собралась поступать, может не стоит зря и напрягаться.

— Стоит, стоит, 2000 год пережили, даст Бог, и дальше поживем, — уверенно возразил отец.

— Пап, а что правда, смена магнитных полюсов может привести к катастрофе?

— Если моментально произойдут изменение, то ничего страшного. Но если процесс затянется, и пропадет магнитное поле Земли, тогда да. Исчезновение поля лишит Землю магнитоауры — природного барьера на пути солнечного ветра и

космических излучений. Может погибнуть все живое.

Отец ушел в другую комнату, стал собирать спортивную сумку, переодеваться, и Василисе пришлось говорить громче, что бы он слышал.

— Я тут еще прочитала, что люди и компьютеры, без магнитного поля лишатся памяти.

— Какие дети образованные. Значит, и без меня знаешь, что в компьютере без питания оперативная память стирается, человеческая также.

— Ну и когда нам все это обещают?

— Вроде бы скоро. Пишут, что последний раз смена магнитных полюсов происходила 13000 лет тому назад.

— Правда? — поразилась Василиса. — Здорово! Возможно, мы будем присутствовать при событии, которое происходит так редко!

— Билеты в партер я бы покупать не стал, да и вообще, если бы спрашивали мое желание, присутствовать отказался, — пошутил отец. — Да и ты не обольщайся, можешь и не увидеть. Я читал серьезную научную статью, так вот там написано, что инверсия может произойти как через год, так и через тысячу лет, четкой периодичности нет.

Отец вошел комнату, переодетый в спортивный костюм.

Василиса любила своих родителей. И сейчас с нескрываемой гордостью смотрела на отца.

Высокий, подтянутый, в густой русой шевелюре ни одного седого волоса. Василиса унаследовала от отца правильные черты лица, высокий рост, роскошные волосы. Только обворожительная улыбка, да ярко синие глаза у нее были мамины. Но похожа она была на отца, даже не столько внешне, сколько величественной осанкой, врожденным изяществом каждого движения.

— Это у нас от предков, — гордо говорил отец, поглаживая маленькую Василису по головке — фамилия Воротынские, в летописях еще до Ивана Грозного упоминалась.

На что мама всегда смеялась:

— Точнее, при царе Горохе. Фамилию Романовы и сейчас носят многие, однако к русским царям они не имеют ни какого отношения.

Папа не возражал. Среднего роста, худенькая брюнетка с большими синими глазами, мама выглядела в свои сорок пять лет очень эффектно, и Василиса не сомневалась, что он вообще с ней никогда не спорит.

— Я тут книжку купил, если интересно, можешь прочитать.

Он встал со стула, принес книгу, положил перед Василисой.

— Ричард Фэйрстоун «Цикл космических катастроф», — прочитала Василиса. — Пап, ну когда мне? Рефератов полно. Перескажи

коротенько.

— Я в твоём возрасте, когда учился в институте, — начал отец...

— Знаю, знаю, ухаживал за мамой, так как компьютеров у вас не было, — перебила его Василиса.

— Ни какой субординации, — обреченно вздохнул отец, но пересказывать все же начал: — 13 тысяч лет тому назад наша солнечная система попала под космическое излучение, исходящее из центра галактики в созвездии Скорпиона. Тогда, как предполагают ученые, и произошла катастрофа, приведшая к химическим изменениям на земле.

Известно, что в ледниковых пустынях Сибири и Аляски находят многие тысячи трупов животных, которые погибли примерно 13 тысяч лет тому назад. Причем погибли они практически внезапно и по необъяснимой причине. В числе этих животных волосатые мамонты, гигантские древесные ленивцы, арктические лисы и множество других видов. Их трупы настолько изуродованы, что вполне резонно предположить, что они погибли от удара колоссальной волны. По мнению этого ученого катастрофа имела космическое происхождение и вызвана взрывом сверхновой.

Этот ученый проводил раскопки, так вот, кремневые орудия труда, кости животных и людей, относящиеся к этому периоду буквально

испещрены мелкими металлическими частицами, которые, как он считает, и явились причиной мгновенной гибели всего живого. Грэхем Хэнкок в своей книге «Следы богов» представил нечто вроде каталога катаклизмов и катастроф, которые имели место около 13000 лет назад, когда солнце проходило около центра галактики в день летнего солнцестояния.

В подтверждение своих слов отец достал со стеллажа книгу, показал обложку, даже не предлагая Василисе прочесть ее.

— Пап, а ты сам-то, что думаешь по поводу конца света?

— Я же сказал, не стоит забивать себе голову. Если катастрофа произойдет, спасти сможет только чудо.

Он сам уселся за компьютер, нашел статью и показал Василисе.

— Почитай здесь, а мне пора.

Отец ушел, а Василиса пролистала еще несколько статей на эту тему, решила, что отец прав, нечего забивать голову всякими бредовыми фантазиями, иначе сегодняшняя жизнь потеряет всякий смысл. Она закрыла компьютер и стала звонить Ане.

— Алло? Что ты хочешь? — Аня была явно не в духе. — Только говори быстро, мне некогда.

— Ты знаешь, в том доме, где мы там были,

произошло самоубийство? — не обращая внимания на ее недовольный тон, закричала Василиса.

Аня надолго замолчала, потом произнесла:

— Приезжай, поговорим, — и она назвала адрес.

Когда Василиса нашла номер дома, то остановилась в нерешительности, это был элитный клуб. Для верности она еще раз набрала Анин номер. Но вместо ответа, она сама появилась в дверях клуба, призывно помахала ей рукой. Василиса поднялась по ступенькам. Она была уверена, что все прохожие смотрят на нее и осуждают, и что непременно среди них окажутся знакомые родителей и донесут. Но желание выяснить, что же произошло ночью, было так велико, что она вошла в двери.

Аня была выпивши, но только самую малость. Как она сама говорила в таких случаях, для «куража».

— Посмотрите, кто к нам пришел? — игриво проворковала она, делая вид, что не замечает Василисиного сердитого взгляда. — Привет, малютка. Что это ты такая мрачная? Кто-то обидел? — И, не дожидаясь объяснений, повела к раздевалке. — Проходи.

Аня уселась за столик, жестом приглашая Василису присоединиться.

— Это не правильно. Я бы даже сказала

аморально, — сразу набросилась на нее Василиса, как только они сели за столик.

— Аморально? — Аня захохотала. — Это ты о чем? Общей морали нет. В Европе, при встрече люди целуются, а в Индии за это могут убить. Мораль искусственное явление, созданное людьми. А поскольку условия жизни в разные эпохи, в разных странах, да и в разных классах одной страны, отличаются друг от друга, то и созданные ими виды морали тоже разные.

— Мы с тобой живем в Европе, и придерживаемся христианской морали, — сердито сверкнула глазами Василиса.

— Христианскую мораль также можно трактовать по-разному. — Аня перестала смеяться, откинулась на спинку кресла и внимательно, будто видит впервые, смотрела на Василису. — Про костры инквизиции во славу Бога милосердного, напоминать не буду, ты историю в школе изучала. Не многие проповедавшие христианскую мораль живут по заповедям Христа.

Василиса злилась.

— Можешь называть это как угодно, но то, что мы сделали — плохо, неправильно, подло, — выпалила она. — Я чувствую себя виноватой. Мы все смотрели, будто на спектакле, как он умирает.

— Ах, вот ты о чем, — будто только теперь поняла Аня.

Она подозвала жестом официанта, взяла у него бокал с коктейлем, отхлебнула.

— Меня-то ты в чем обвиняешь?

— Ты знала заранее.

Аня пристально смотрела ей в глаза.

— И что?

— Знала и ничего не предприняла. Если бы я знала, что он собирается покончить с жизнью, вызвала бы «скорую помощь». А так, мы оказались соучастниками убийства. Сидели и смотрели. — Она в отчаянии сжала руки, с горечью в голосе произнесла. — Все так походило на игру.

— «Скорую» тебе надо было вызывать. Или забыла? Вместо того, что бы мне спасибо сказать, ты на меня еще и наезжаешь. — В улыбке Ани сквозило откровенное пренебрежение и что-то еще непонятное, незнакомое, а потому страшное.

Василиса плохо помнила, что происходило вчера ночью, а неизвестное всегда пугает больше, чем самая ужасная действительность. Она почувствовала, что у нее свело горло от того же чувства тошноты, что и вчера.

— Мы могли его спасти.

Губы у Василисы дрожали.

— Нет, не могли. Как ты правильно поняла — это была Игра. А законы Игры составляют её суть, и нарушать их нельзя. Все было предрешено.

— Не правда, у человека всегда есть выбор, он

мог совершить этот поступок, а мог и не совершить.

— Неужели?

Аня сделала недоуменное лицо, кошачьи глаза сузились. Василиса схватила со стола салфетку и бросила на пол.

— Я могу бросить на пол салфетку, а могу и не бросить, могу уронить тарелку, или тарелку и салфетку вместе. У человека всегда множество возможностей, и он сам выбирает, одно из них, которая и становится реальностью. Мы могли ему запретить, помешать, уговорить, да много чего..., — она горько махнула рукой, — и сейчас действительность была бы другая.

— Брось на пол яблоко, — неожиданно попросила Аня.

— Яблоко? — Василиса растерянно посмотрела на стол. — Но на столе его нет.

— Правильно. Яблока здесь нет. Ты можешь сейчас взять и бросить на пол то, что лежит в данный момент на этом столе. Так и в жизни, ты выбираешь одну из множества возможностей, но только из тех, что тебе предложила судьба, не больше. В данной ситуации, он мог выбирать только, как ему умереть: красиво, в кругу друзей, или быть раздавленным машиной, застреленным киллером, или еще как-нибудь. Это был его час, и изменить ничего было уже нельзя. Таковы правила установленные Богом, которые даже он сам не

может нарушить. Поэт должен был умереть, и выбрать мог только одну из множества смертей. Он выбрал эту. — Аня усмехнулась. — Яблоко не лежало и на его столе.

Василиса понимала, что это аллегория, но почему-то подумала, что при сумасшедшем изобилии на столах, действительно, не было яблок.

— Если это была игра, то в конце полагается приз, который объявляется заранее. Кто бы стал выигрывать игру, призом которой, объявлена смерть?

Аня рассмеялась.

— Ты прозорлива. У той игры приз был другой — бессмертие. И он хотел его выиграть. Надеялся на жизнь без ограничения пространства, времени, материи, за пределами нашего разума, хотел совершить путешествие в неведомое.

— Бессмертие? — переспросила Василиса.

Она плохо понимала, о чем говорит Аня.

— Да. В какой-то степени, он его добился. — Аня выдержала паузу. — В это мало кто верил, но свои стихи он писал сам. Его первая книга не принесла желаемого результата. Это его больно ранило. Мечты о славе не сбылись. Его друзья обсуждали дольше меню банкета, чем сами стихи. О нем недолго поговорили критики, получившие приличный гонорар из папиных денег, и забыли. Даже Фан клубы, созданные, опять же, на деньги

папы, не утешали его самолюбие.

Но смерть — это совсем другое. Уже сегодня раскупили все его книги. Даже больше, за ними стояли в очередь. Книги, подписанные им в день смерти, уже сейчас стоят баснословно дорого. Кстати можешь продать, у меня есть покупатель, — сказала Аня как бы, между прочим. Василиса отрицательно мотнула головой. — Правильно, — одобрила Аня и продолжила. — У него появятся последователи: из таких же мечтателей, как он; из скучающих обкуренных богатеньких придурков; неустроенной, неудовлетворенной жизнью молодежи; неудачников, романтиков. Он станет кумиром. Его стихи будут цитировать, — уверенно пообещала Аня. — Хотя он мечтал о большем.

— О большей славе? — продолжала поражаться Василиса.

— Нет. О вечной жизни.

— Он что, сумасшедший? О какой вечной жизни может мечтать нормальный человек.

Аня засмеялась, негромко, но очень искренне и заразительно.

— Как раз «нормальные люди», всегда и во все времена мечтали о вечной жизни. Помнишь картину Тициана «Любовь земная и небесная»?

Василиса утвердительно кивнула.

— Источник, изображенный на картине — это источник вечной молодости, его воды возвращали

человеку юность и заодно способность «исполнения мужских обязанностей». Но только избранные могли получить бессмертие в этой жизни, всем остальным обещали его в другой, загробной. — Аня презрительно усмехнулась. — Что может сделать обреченный на смерть человек? Самое большее — совершить подвиг, ценою собственной жизни. Даже ходить и говорить ребенок учится, потому что надеется — это пригодится ему в будущем. Смертельно больной человек ничему учиться не станет, у него не будет времени увидеть результаты своего труда. Зачем начинать рыть фундамент для дома, если камни не успеешь привести? Даже с болезнью борется человек в надежде на выздоровление и дальнейшую жизнь.

А предложи человеку бессмертие, — многообещающе прошептала Аня, подавшись через стол к Василисе, — его жизнь обретет другой, более высокий смысл. Это как закваска, которая добавленная в муку, превращает ее в тесто, из которого испекут Хлеб. Скажи тебе сейчас, что впереди вечность, да ты не только живопись начнешь изучать, но поступишь и в музыкальное училище, и в хоровое, начнешь изучать языки, науки — жизнь длинная, все пригодиться. Это тебе не передача знаний ученикам и последователям, это непрерывный творческий процесс постоянно

развивающейся личности. Представь вечно живущими Леонардо да Винчи, Ломоносова, Ньютона, да и многих других. Люди научатся всему и станут как Боги.

— Люди не могут стать, как Боги, — уверенно заявила Василиса.

— Это почему же не могут? Могут. Просто у них не хватает времени. Вспомни Библию. За что Бог изгнал Адама из Рая?

— Он самовольно съел яблоко с дерева познания, — не задумываясь, как известную всем истину, произнесла Василиса.

— Нет, — решительно опровергла Аня. — Бог испугался другого. «И сказал Господь Бог: вот Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял так же от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, что бы возделывал землю, из которой он взят».

Познав мудрость, человек всегда стремится к бессмертию, или хотя бы продлить жизнь любыми способами. Это либо передача всего, чем он владеет, будь то знания, опыт, или деньги — детям, ученикам; либо за счет жизни своих произведений.

Но сам человек смертен. Повседневная жизнь, даже насыщенная философскими, научными, религиозными интересами или общественной деятельностью, все равно ведет человека к смерти

— физической, умственной и эмоциональной. Самые умные, красивые, сильные, и даже очень добрые — умирают, а тело их дряхлеет, а затем разлагается и истлевает.

Аня помолчала, потом улыбнулась лукавой улыбкой и добавила совсем тихо, наклонившись к самому уху Василисы:

— Ты не права, любой мудрый человек, всегда стремиться к бессмертию. Причем любой ценой, даже ценой этой короткой жизни. Как и Принц. У него не получилась. Он проиграл. Видимо не четко выполнил инструкцию, или не повезло.

Василиса слушала ее, поставив локти на стол, запустив пальцы в волосы, и не понимала. Голова опять начала болеть, сказывалась усталость бессонной ночи.

— Может быть, все, что ты говоришь верно, — Василиса опустила руки, волосы упали на плечи, грудь, — но я не хотела бы при этом присутствовать. Я его никогда не знала, мне нет дела ни до его стихов, ни до него, я не хочу быть замешана в этом происшествии. Что скажут родители, учителя?

На губах Ани появилась пренебрежительная ухмылка.

— Так вот что тебя беспокоит. А столько было высокопарных слов о морали, добре и зле.

Она устало выдохнула, лицо стало скучным,

даже глаза потухли.

Василиса вдруг подумала, что она сейчас уйдет, причем уйдет навсегда, утратив к ней всякий интерес, и испугалась. Она чувствовала себя так, будто провалилась на экзаменах, и ее собираются выгнать. Ей захотелось восстановить свою репутацию, оправдаться, и она торопливо заговорила:

— Я не такая самостоятельная, как ты, живу с родителями, завишу от них, и их мнение мне не безразлично.

— Переезжай ко мне, я тебе уже предлагала.

— Я люблю своих родителей.

Василиса начинала злиться, ей не хотелось ссориться с Аней, но и менять свой образ жизни, она не собиралась.

— Ты оторвала меня от игры, — недовольно сказала Аня, делая движение, что бы подняться, всем своим видом стараясь показать, что говорить больше не о чем, казалось, Василиса совсем перестала ее интересовать.

— Не понимаю, как можно вот так часами торчать здесь, проигрывая деньги.

Василиса сказала это только для того, что бы, продолжить разговор. Она боялась уходить. Уйду, и она больше никогда мне не позвонит, не придет, мелькнула пугающая мысль.

— Идем.

Аня решительно встала и направилась в дальний конец зала. Василиса последовала за ней. Они прошли полутемный коридор, Аня постучала в одну из нескольких дверей. Охранник, что открыл дверь, вежливо кивнул Ане, пропуская их вовнутрь. Они спустились вниз по лестнице, и вошли в просторное помещение. В центре стояли игровые столы. Аня села за стойку бара, Василиса рядом.

— Игра. Только здесь, да еще в битве смертный человек по-настоящему остро чувствует жизнь. Игрок пытается переиграть не соперника, а выиграть у капризной судьбы. И у жизни, и у игры существуют законы, нарушать которые нельзя. Но каждый настоящий игрок знает, кроме законов есть еще удача, и если ты удачлив, то удачлив одинаково и в игре, и в жизни. Вот и приходят сюда люди проверить, насколько они удачливы. Смотри. — Она еле заметным кивком головы показывала на вальяжно развалившегося господина, который следил за игрой холодными, ничего не выражающими глазами. По его лицу трудно было что-то определить, так же спокойно, на столе лежали его руки. Ни одного лишнего движения. — Он только что проиграл, но ничего в его облике не изменилось, таким же он остался, если бы выиграл.

— Интересно, сколько он проиграл? — произнесла Василиса, незаметно разглядывая непроницаемое лицо мужчины.

Аня, которая сидела рядом с ней за столом, шепотом произнесла сумму. У Василисы округлились глаза.

— За него не переживай. Он во всем предпочитает умеренный риск, играет осторожно, обдумывая каждый ход, не блефует и никогда не проигрывает больше, чем может отдать. Он предпочитает работать над решением проблемы, а не полагаться на удачу.

— Зачем тогда играть?

— Многие люди его круга играют. Здесь можно познакомиться с нужными ему чиновниками, завязать деловые связи. Потом, он получает удовольствие от победы: будь то игра, или бизнес. Но дело не в деньгах. Он не жадный. Для таких как он — деньги это символ успеха, уважения. — Аня замолчала, потом тихо произнесла, будто поделилась секретом. — А еще, он приходит сюда, как и любой смертный, узнать: результат зависит от причин и следствий, или все же главное случай — удача? Вот только проверяет он не на себе, — Аня хитро улыбнулась. — Хочешь попробовать? — неожиданно предложила она. — Смотри, как раз место освобождается. — Аня кивнула на бледного парня и добавила: — Этот совсем другой, он считает, что от него ничего не зависит, все дело в удаче, поэтому рискует всегда и всем.

— Да у меня и денег- то нет, — изумилась Василиса.

Раньше она отказалась бы сразу, но сейчас, боялась потерять расположение подруги и сомневалась.

— На.

Аня протянула ей фишки.

— Чем я отдавать буду?

— Выиграешь и отдашь. Новичкам должно везти.

— Если проиграю?

— Потом, как-нибудь вернешь. Ты же знаешь, деньги для меня ничто.

Да «ничто», когда их много, подумала Василиса, но фишки почему-то взяла и они пошли к столу. И в самом деле, освободилось место. Высокий парень резко поднялся.

— Садитесь, дамы, — предложил он, пододвигая кресла, натянуто улыбаясь.

Василиса видела, как тяжело давалась ему улыбка, с каким трудом он старался держаться молодцом, как сдерживал дрожь пальцев. Он, видимо много проиграл, подумала Василиса, но это почему-то не остановило ее. Она села на освободившиеся места, Аня рядом.

— Делайте ставки, господа, — сказал крупье.

Аня поставила свои фишки, на красное, Василиса на черное. Крупье крутанул рулетку,

шарик закрутился.

Как только она решила играть, с ней что-то произошло: сердце бешено забилося, все мышцы напряглись. Она уже не думала о деньгах, которые надо отдавать, казалось, все в ее груди сжалось в тугую пружину ожидания, даже пальцы свело от напряжения.

Только бы выиграть, только бы выиграть, молила она, как молила, когда подходила к доске объявлений, где были вывешены списки поступивших в академию. Крупье назвал цифру.

Выиграла!

Пружина разжалась, наполнив ее буйной радостью. Ей так же, как и тогда у доски объявлений, захотелось запрыгать, захлопать в ладоши, смеяться, даже закричать «ура». Она повернула красное от возбуждения лицо к Ане, не смогла сдержаться, и, радуясь, как ребенок, громко сказала:

— Выиграла!!!

Аня расхохоталась. На них повернулись. Кто-то сделал замечание. На лицах очень многих мужчин, был замечен интерес. К их столу, подошло несколько наблюдателей. Василиса, разгоряченная азартом игры, подвинула все фишки, на кон. Аня хотела остановить, но потом передумала. Василиса опять выиграла. Ее счастьем не было границ. Так интересно ей не было еще ни разу в жизни, а

всего-то шарик, крутящийся по кругу. Её так же, как тогда в доме Принца, трясло от легкого озноба. Неизвестное ей прежде чувство азарта оказалось очень похожим на то ощущение, которое охватило ее во время борьбы за свою жизнь. Она ставила фишки, повинуюсь какому-то предчувствию. Нет не предчувствию, она была уверена, до дрожи в пальцах уверена, что надо поставить именно на черное и цифру три, как ночью в саду, она знала, что за кустами роз находится пруд.

Василиса уже не сомневалась, что сумела поймать за хвост синюю птицу, и в руках навсегда осталось ее перо. Под одобрительными взглядами мужчин, их улыбкам, она верила в себя, и ее захлестывало желание оправдать их надежды и выиграть еще и еще раз, бесконечное число раз, выигрывать только ради выигрыша, ради этого щемящего чувства своей особенностью, исключительной везучести. Решения возникали в голове спонтанно, но всегда верно. Она не думала, не вспоминала, не прикладывала ни каких усилий, просто называла цифру, ставя на кон все фишки, и всегда угадывала. Она была уверена, что только она на всем белом свете может вот так безошибочно предугадывать будущее выигрышное число. Да что там число, Аня говорила, что тот, кто может предугадать ход, может предугадывать будущее. А что если она такая?

Фишек стало много, и все они принадлежали ей. Обладание таким богатством будоражило, заводило, и ей хотелось, что бы это состояние нервного, радостного возбуждения не проходило. В угаре игры, краем глаза она видела, что солидный господин напротив, да и другие игроки за столом, играют осторожно, взвешивая каждую ставку, ставят часть фишек, но не могла остановиться, и каждый раз, после слов «Ваши ставки, господа» двигала все фишки. Она растворилась в игре вся без остатка, она купалась в этом море удачи, завистливых, и восхищенных взглядов. Сгребая фишки после выигрыша, она чувствовала не успокоение, а будоражащее душу волнение подзуживающее играть еще и еще. Будто она лезла на гору вечного блаженства, и чем выше поднималась, тем все сильнее и сильнее испытывала радостное возбуждение, а вдруг дверь откроется. Она уже не сомневалась, что там на самой вершине этой горы, находится самый желанный приз, для любого человека — тайна Вечности, и именно она сейчас добудет ее. Еще одна игра, один выигрыш и...

— Идем, Аня сделал попытку встать. Ты много выиграла. Идем.

— Только один разочек. Честное слово, последний, — пробормотала Василиса, сделала ставку и опять выиграла, и опять кружилась голова

от счастья, и даже как-то подташнивало.

Надо уходить, она обещала, но в этот момент, сосед что-то спросил у Ани, та на секунду отвлеклась, Василиса быстро передвинула фишки на число семь, давая понять, что ставка уже сделана. Аня строго поджала губы, встала, отодвигая стул. Василиса вздрогнула, от резкого звука, повернулась к подруге, отвлеклась от игры.

Когда крупье назвал число семь, она радостно сжала кулаки, уверенная, что опять выиграла, но ее фишки стояли на числе восемь. Василиса, даже не поверила своим глазам. Что произошло? Она не сомневалась, что поставила фишки на число семь, неужели дрогнула рука, когда она повернулась к Ане? Или крупье нарочно пошутил над ней, что бы подразнить и сейчас недоразумение разрешиться, ведь все видели, как она ставила на число семь, которое выиграло? Но крупье привычным движением передвинул ее фишки к себе. И тут до нее дошло — она проиграла! Проиграла все, до последней фишки. В груди что-то оборвалось.

Аня чуть не расхохоталась, глядя на расширенные от удивления глаза и побледневшее лицо подруги, но вовремя сдержалась, поднялась из-за стола, увлекая ее за собой. Василиса отодвинула стул, действительно, что здесь сидеть, если нет фишек, встала из-за стола. Она старалась не смотреть в глаза людей, которых она обманула,

да именно обманула, пообещав выигрывать вечно, и не смогла. Они уже отошли от стола, когда Василиса вдруг остановилась:

— А если этот проигрыш был случайным? Я уверена, что ставила на другое число, — прошептала она.

Аня с трудом сдерживала смех.

— Я подумала, ты усвоила урок: никогда не ставь на кон все, что имеешь, и самое главное — всех обыграть нельзя. Рано или поздно проиграешь.

— Может попробовать еще разочек? — нерешительно проямлила Василиса.

Аня злорадно ухмыльнулась, открыла сумочку и протянула деньги.

— Иди, разменяй.

Василиса не знала, что стоили те фишки, и только теперь, как, проснувшись, вспомнила: за ними стоят деньги.

— А сколько я тебе уже должна?

— Двести.

— Двести чего? Евро? — испуганно прошептала Аня. — А сколько я выиграла, — потом поправилась, — вернее проиграла?

Она показывала рукой на стол не в состоянии даже подсчитать сумму, так напугало ее одно воспоминание об огромной куче фишек, оставленных на столе. Смутное беспокойство, перерастало в панический ужас. Она впервые

подумала о фишках, как о деньгах, которые уже были у нее в руках и остались бы, послушай она подругу.

Аня догадалась, уголки губ поползли вверх. Она пыталась сдержать смех, но не могла.

— Тебе лучше не знать. Твой дом стоит гораздо меньше, — она звонко расхохоталась. И что бы успокоить Василису беззаботно произнесла: — Ты мне ничего не должна. Забудь. Я сегодня выиграла, да к тому же получила такое удовольствие, за которое заплатила бы больше. И еще, — она достала из сумочки визитку и карту спортивного клуба, — возьми, это телефон тренера, он будет с тобой заниматься.

— Сколько стоят его услуги? — поинтересовалась Василиса, прежде чем брать карточку. Деньги опять стали для нее реальностью.

— Он мне обязан, — сразу успокоила ее Аня, — так что даже не вздумай ничего ему предлагать, он все равно не возьмет. А по этой карте вход бесплатный, если хочешь, можешь еще и плавать, и заниматься на тренажерах — все оплачено.

— Спасибо, — поблагодарила Василиса.

Они вышли на улицу. Василиса жадно вдохнула сырой, пропитанный бензином воздух улицы, который подействовал на нее как отрезвляющий душ. Что это было: наваждение,

азарт, или желание проверить себя? Ведь если разгадать тайну закона удачи, как сказала Аня, можно понять тайну жизни и смерти, а значит — бессмертия. Так что же это такое — игра? Поэт тоже играл, играл со смертью, и на кону стояла его жизнь. И вдруг Василиса подумала: «А ведь он тоже на кон все фишки ставил».

Василиса легла в постель, натянула одеяло до самого подбородка, стараясь уснуть. Но только она закрыла глаза, как перед мысленным взором возник образ Принца, сидящего на красном кресле в пурпурной одежде. Василиса открыла глаза, уставилась в потолок, стараясь восстановить события прошлой ночи. Когда же это произошло, до ее ухода или после? Ее воспоминания напоминали сон: все было размыто, нечетко, и даже какими-то обрывками. Она силилась вспомнить, напрягала память, даже зажмурилась, прикрыв рукой глаза.

Она вспомнила Принца, лежащего на полу и подходящую к нему девушка, что была главной на том спектакле. Она движется легко и грациозно, принц не делает ни одного движения, но тело было мягкое и подвижное.

Значит, тогда он был еще жив, понимает Василиса, но что происходило дальше? Она еще сильнее сжимает глаза, старается вытащить воспоминания, как забытый сон. Надо припомнить

какую-нибудь интересную деталь, потянуть за нее, как за ниточку, и сон, в данном случае явь, начнет всплывать в памяти.

И вдруг, как вспышка света в памяти возникает терпкий запах духов, прикосновение холодных пальцев. Рука к руке, Ступня к Ступне, Колено к Колену, Грудь к Грудии и чужая Рука на ее Спину.

Василиса трясет головой. Этого быть не могло. Ко мне там никто не прикасался, тем более таким странным образом, это Принца поднимали девушки и что-то шептали ему на ухо. И тут ей чудится шепот непонятных слов возле самого уха, горячее дыхание. Воспоминание было настолько реальным, что Василиса даже рукой потрогала левое ухо. Да, видно сильно меня отравили той ночью, если у меня в голове все до такой степени перемешалось, что увиденное со своими собственными ощущениями путаю. Василиса разжимает глаза, опять смотрит на потолок. Что это был за спектакль?

— Завтра похороны, я на занятия не приду, отксерил лекции, — попросила Марина.

Василиса вскинула на нее удивленный взгляд.

— Ты что, тоже поклонница его таланта?

— Он наш сосед. Я же говорила. Мама дружат. Так жалко тетю Ларису, — Марина качала головой.